

Хорднек

Ярость Мортифера

Георгий Бобровников

Георгий Бобровников

Хорднecк. Яpocть Мopтифepa

«Издательские решения»

Бобровников Г.

Хорднек. Ярость Мортифера / Г. Бобровников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835867-8

Как сильно может перемениться жизнь за несколько дней... Казалось, ещё вчера я, Хорднек, покинул троллей Пылистой горы. Теперь же я состою в отряде героев, которые идут за головой Мортифера, обезумевшего чёрного дракона. Честно говоря, мне плевать на эту дурацкую охоту. Я лишь жду удобного момента, чтобы сбежать к волшебным водам, даровавшим мне жизнь, и исцелить в них окаменевшую руку. Ну, а до тех пор... Духи, не дайте отряду узнать, что именно после встречи со мной дракон впал в неистовую ярость.

ISBN 978-5-44-835867-8

© Бобровников Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Тролль из племени Пылистой горы	6
Часть 1. История тролля	10
Глава 1. В когтях черного дракона	10
Глава 2. Эльфами пойманного	18
Глава 3. Из плена бежавшего	26
Глава 4. В городе тёмных эльфов	35
Часть 2. История эльфа	43
Глава 1. Из рода королей	43
Глава 2. В городе великом	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Хорднec
Яpocть Мopтифepa
Гeopгий Бoбpовникoв

© Гeopгий Бoбpовникoв, 2016

© Анаcтaсия Кaшeн-Бaжeнoвa, дизaйн oблoжки, 2016

Бeтa-pидep Евгeния Литвинeнкo

ISBN 978-5-4483-5867-8

Сoздaнo в интeллeктуaльнoй издaтeльскoй cистeмe Ridero

Пролог. Троль из племени Пылистой горы

Никогда не забуду это проклятое чувство. Большинство ощущает его хотя бы раз в своей жизни, и лишь самые удачливые не ощущают его вовсе. Это чувство испытывает каждый троль, увидевший розовеющее небо и поднимающийся из-за горизонта солнечный диск. В тот самый момент, когда солнечные лучи покрывают землю, троль чувствует, что его жалкой жизни пришел мучительный конец. С недавних пор оно начало буквально преследовать меня, в какие дебри не забирался бы я по зову судьбы. Не знаю, зачем Темному Духу понадобилась моя душа, но я не собираюсь её отдавать. Во всяком случае, не без боя.

Стоит троллю умереть, как его душа уходит в землю и переносится к ближайшему Источнику Магии. Там она вселяется в камень, который от воздействия энергии Источника превращается в тролля. Так и я появился на свет, образовавшись из валуна возле Источника, что расположен глубоко в недрах Пылистой горы. Нагнувшись к его водам, я впервые увидел мои тёмно-карие глаза, узкое лицо, посреди которого торчал огромный вытянутый нос, прижатые к голове широкие и длинные уши с загнутыми заостренными концами и едва высывающиеся изо рта два нижних клыка.

Тролли, обитающие в пещерах Пылистой горы, прозвали меня Хорднеком. Но нередко я слышал от них и такие клички как «полурослик», «недоросток» и «поколенник». Всё потому, что я намного ниже остальных троллей. Нередко из-за низкого роста многие принимали меня за крупного гоблина и, лишь внимательно присмотревшись, признавали во мне тролля.

Для племени я был живым оскорблением всей нашей расы. Не проходило ни дня, чтобы очередной троль не вздумал меня избить. Чтобы выжить, пришлось учиться биться с теми, кто превосходил меня ростом и силой. Как и все тролли, я вынослив и крепок, поэтому такие драки могли длиться по несколько часов без шанса на передышку. Меня давно бы забили насмерть, если бы не еще одна наша особенность: тела у троллей очень быстро восстанавливаются. Раны, переломы, вывихи – всё это исцеляется прямо на глазах. Неудивительно, что троллей называют «идеальной боевой силой», пусть это и не совсем верно. Мы *были бы* идеальной боевой силой, не будь у нас одного серьёзного изъяна, который я испытал на себе: стоит троллю попасть под лучи солнца, как он немедленно обращается в камень. За пределами Пылистой горы не раз я наткался на окаменевших троллей.

Насколько сильной была моя ненависть к племени, настолько же сильной была любовь к изучению подземелья Пылистой горы. С каждым днем я становился всё ловчее и проворнее и мог забираться в ещё более глубокие катакомбы и выбираться обратно. Только там можно было достичь полного одиночества. Но мне не удавалось продержаться в них дольше месяца. Всё-таки, никакой жук не сравнится с жареным кабаном или кроликом. Кроме того, пещеры быстро надоедали. В конце концов, они мне так осточертели, что я начал задаваться вопросом: «А что находится за пределами горы?».

Мало какой троль смел покидать родные пещеры, если только он не был охотником. Случалось, конечно, и так, что кого-то изгоняло племя, но это было дикой редкостью. Меня, как ни странно, изгонять не спешили, но и останавливать никто не стал. Стоило в тот день солнцу скрыться за горизонтом, как в племени Пылистой горы стало на одного тролля меньше. Я покинул это место, надеясь никогда больше туда не вернуться.

Яркая луна освещала лес вокруг меня. Надолго же врезалась мне в голову куча поваленных деревьев неподалёку и заснеженная скала, похожая на застывшего великана, заросшего мхом и вкопанного в землю.

Было тяжело жить без племени и горы над головой... Никогда прежде мне не требовалось охотиться и, особенно, находить подходящие места, чтобы переждать солнце. Всему этому приходилось учиться на бегу, и для бегуна я хорошо учился. Уже через пару недель я мог

различать следы множества зверей, читать их. С их помощью, охотиться на кроликов, оленей и прочую дичь не составляло труда. По следам же я, на первых порах, находил медвежьи берлоги. Лучших мест, чтобы пережить дни, было не найти. Медведи, порой, могли быть проблемой, но только в тех случаях, если они вообще меня замечали. Но даже при худшем исходе ни один из этих неповоротливых тварей не мог сравниться с троллем Пылистой горы, пусть и низкорослым.

С каждым днём выживание в лесу все более приходилось мне по вкусу. Впервые рост стал даром, а не проклятием. Будь я хоть на три дюйма выше, было бы намного сложнее прятаться в тени кустов и деревьев. Много времени ушло на то, чтобы научиться бесшумно ходить. Но результаты превзошли все мои ожидания: я сам едва слышал свои шаги.

С новыми навыками охотиться стало намного проще, так что я стал продвигаться вглубь леса. Кто знает, какие удивительные места могли ожидать меня за пределами этой чащи?

Мне не везло поначалу: в стороне, куда я направился, лес начинал сильно редеть. Одной ночью я забрался на дерево повыше и увидел за границей леса широкую распростёртую степь. Туда мне, разумеется, дороги не было, если только я не искал смерти под лучами солнца. Впрочем, не стоит мне на это жаловаться, эта степь была одним из немногих интересных открытий за пределами горы. В течение многих недель я видел лишь холмы да деревья, за которыми скрывались лишь больше холмов и больше деревьев. А когда родной горный хребет скрылся за бескрайними лесами, впервые за долгое время я почувствовал себя таким одиноким...

Но всё изменилось, когда, выйдя на опушку леса, я увидел широкую бурную реку, шумно утекающую вдаль, на другом берегу которой расположился небольшой людской городок. Не знаю, что на меня нашло, но я был готов свернуть горы, лишь бы там оказаться. Буйные воды реки не давали мне возможности её переплыть, поэтому пришлось искать обходной путь.

Как говорят, ищущий найдет. Не прошло и двух ночей, как я вышел на дорогу, которая вела к каменному мосту через реку. Оказавшись на другой стороне, я быстро освоился в тамошней роще и потихоньку начал приближаться к городу.

Решительность проникнуть в людской город пришла не сразу. Несколько дней я потратил, лишь готовясь к первой вылазке. Мне удалось найти берлогу неподалеку от городских стен и подготовить у неё второй выход на тот случай, если горожане поймут, где я прячусь, и придется уносить отсюда ноги.

Первые ночи я воздерживался от воровства. Мне хотелось лучше узнать сам город и людей, которые в нем живут. Чем этот город занимается? Что может быть важным для меня? Насколько серьезно я влипну, если попадусь? И, наконец, чем здесь можно поживиться? Пока я не ответил на все эти вопросы, я не притронулся ни к одной вещице.

У местных была одна чудная особенность – все они изъяснялись на языке, который я прекрасно понимал. Да что там понимал! Когда я попытался произнести некоторые слова, они вылетели из моих уст без единой запинки. О многих вещах я впервые услышал именно от этих людей, но я почему-то знал, о чем они говорят. Они упоминали, что их язык называется «всеобщим».

«Не знаю, каким образом мне удаётся понимать его? И как, чёрт побери, я на нём говорю?! – целая череда вопросов возникала в голове. – Зуб даю, какие-то маги зачаровали этот язык, чтобы любое разумное существо могло без проблем им владеть!»

Наконец, я решился на первую кражу. Тогда я стащил сочного жаренного поросенка у местного мясника. После многих и многих месяцев сырого мяса, этот жареный зверек мне показался пищей, достойной Духов. После него было сложно удержаться, чтобы не стащить что-нибудь еще.

За несколько ночей я пристрастился к воровству. Помимо еды, я обзавёлся полезными и удобными вещами, вроде стального кинжала и простенькой одежды. Воровать было до смешного просто даже с учётом того, что город патрулировали стражники с собаками, хозяева нани-

мали сторожей, а другие сами старались не спать всю ночь, лишь бы поймать вора. Собаки не могли меня учуять из-за того, что в силу каменной природы я начисто лишен запаха, некоторые сторожа были и сами не прочь что-нибудь да присвоить, а хозяева, что отказывались от сна, в итоге валились с ног от усталости.

До сих пор не понимаю, почему они обратились именно к нему... похоже, всё-таки не настолько хорошо я прятался в последние дни. Наверняка жители просекли, кто же обворовывал их город по ночам. Видно, решили, что я гоблин. А там, где один гоблин – обязательно будут ещё десятки... Как бы то ни было, всё переменялось, когда в городе появился Охотник, истребитель монстров. И опытный, причём. Думаю, жителям пришлось скинуться всем городом, чтобы его нанять. Я даже не замечал, как он следил за мной по ночам.

Чёртов Охотник. Никогда не забуду этой встречи.

Он забрался ко мне в берлогу и, схватив за правую руку, потащил на поверхность. Проснулся я лишь когда моя рука попала под лучи солнца...

Никогда в жизни так не кричал... Равно как и не испытывал подобной боли. Меня жгли, кололи, избивали, но ничто не могло сравниться с этим. Моя рука болела так, словно её окунули в лаву.

Обезумев от боли, я рванул в берлогу, затащив туда Охотника, а после пнул его в голову с такой силой, что тот вылетел за пределы берлоги на несколько шагов. С какой ненавистью я смотрел на него, лежащего без сознания на солнечном свету, как жаждал выбраться и свернуть его поганую шею, но солнце не давало мне этого сделать. Пришлось утихомирить свой пыл, влезть обратно в берлогу и покинуть её через заготовленный лаз с наступлением ночи.

Покинув берлогу, я двинулся, куда глаза глядели. Лишь бы убраться подальше от этого треклятого города. Следующая ночь далась мне очень непросто – рука чертовски сильно болела. Казалось, будто она, окаменев стала намного тяжелее. У меня отнималось плечо. Почти всю ночь мне приходилось привыкать работать левой. Охотиться с каменной рукой не получалось, поэтому следующие несколько ночей я практически не ел мяса. Оставалось лишь питаться всякими корешками, которые я выкапывал недалеко от берлоги. До сих пор ощущаю во рту их отвратный привкус.

Однажды я увидел высокую гору вдали. Она одиноким гордым стражем стояла посреди редкого леса. У меня ушло две ночи, чтобы добраться до этого места. Вот бы оказаться внутри неё, спрятаться там до тех пор, пока я не придумал бы, что делать с окаменевшей рукой и куда податься. Ход внутрь горы я нашел лишь спустя полночи.

Как хорошо вновь оказаться в родной темноте! Груз недавних бед оставил плечи, а пещерный воздух наполнил грудь. Даже боль в руке слегка приутихла, хоть и не исчезла. Я уходил в гору всё глубже и глубже, пока не услышал приглушенный гул. Казалось, что в недрах горы иногда скатывались гигантские круглые валуны.

Вскоре я дошел до чудовищной глыбы, преградившей проход. Пол рядом с ней жёг мне ноги. Из двух отверстий в скале исходили клубы плотного дыма. Гул ударил с новой силой. Хоть он и звучал, как и раньше, отдаленно, мне почему-то казалось, что на самом деле источник звука находился совсем неподалеку от меня. «Неужели я нахожусь в одной из огненных гор, о которых в нашем племени слагали легенды? – от этой мысли орава мурашек пробежалась по моей спине. – Надо пробраться внутрь!» – твердо решил я.

Наверху я увидел небольшую щель, в которую можно было пролезть. Дело осталось за малым – забраться по валуну наверх. Выступ с дымящимися дырами оказался очень удобной отправной точкой. Я запросто вскарабкался по нему наверх, цепляясь за выбоины и выступы. Жаль, что у меня не было желания внимательно их осмотреть. Это могло бы многое предотвратить...

По оставшейся части скалы было невозможно забраться – всякий раз, когда я пытался зацепиться за неё, моя рука соскальзывала. В сердцах я кричал все известные мне ругательства

при каждой неудачной попытке. Тогда раздался настолько мощный гул, будто земля разверзлась у меня под ногами. Скала зашевелилась и начала подниматься. Мне не удалось удержаться на ногах. Кубарем свалившись с выступа, я грузно упал на спину. Грот залил тусклый рыжеватый свет: в скале образовались два янтарно-огненных камня с широкой черной полосой посередине. Теперь-то я четко видел, что всё это время принимал за скалу. В страхе я принялся отползать от монстра, не в силах подняться на ноги. Многие я слышал об этих существах, но не мог и подумать, что когда-либо встречу одного из них. Даже в своих самых страшных снах я не представлял, что встречу... живого дракона!

Часть 1. История тролля

Глава 1. В когтях черного дракона

Кривые громадные когти царапают пол, издавая протяжный, режущий уши скрежет. Не в силах вытерпеть этот отвратительный звук, я прикрываю уши. Но как бы сильно я ни прижимал их к голове, скрежет не становится тише. Череда оглушительных хрустов эхом проносится по пещерам, словно гора собирается развалиться на куски. Тяжелые удары драконьего хвоста сотрясают гору, и та отдаёт гулким треском.

Наконец, все звуки стихают, и драконья голова опускается ко мне, ярко освещая пространство вокруг меня большими, как тарелки, огненными глазами. Животный страх сковывает тело и перехватывает дыхание. Нет сил оторвать взгляд от огромного ящера. Его чешуя черна, как уголь, а голову покрывает дюжина рогов. Два могучих крыла сложены за спиной, из которой торчит череда костяных пластин. В глазах монстра бушует яростное пламя, ждущее удобного момента, чтобы вырваться и поглотить несчастную душу, поймавшую на себе драконий взгляд.

– Кто ты такой? – раскатом грома звучит драконий голос. Трупная вонь из пасти чудовища ударяет мне в нос, едва не лишив сознания. С трудом держась на ногах, заглядываю ему в глаза. Огонь зловеще скользит по блестящей черной чешуе, предвкушая момент, когда ему, наконец, дадут насладиться плотью незваного гостя. В отблесках видны многочисленные выбоины и нарезы, но вскоре они растворяются во тьме. Весь мир плывёт перед глазами. Остаётся только смотреть на два размытых огонька и выдавить из себя:

– Я...

– У этого «я» должно быть имя. Назови его! – повелительно гремит дракон, убрав от меня голову и избавив от ужасной вони. Жадно глотая свежий воздух, я натужно продолжаю наш разговор.

– Хорднек, – выговариваю я полушепотом, но дракон, кажется, меня услышал. Наконец, взгляд снова сосредотачивается на нём. Его глаза пристально смотрят на меня, словно пытаются сжечь огненным взглядом.

– Скажи мне, Хорднек, – произносит он, наконец, – что привело тебя в Его владения?

– В чьи владения?

– Отвечай на Его вопрос! – свирепо рыча, он топает с такой силой, что грот отвечает ему гулом и рокотом, а сверху сыплются камни. Даже я валюсь с ног, не сумев удержаться. Если бы он ударил лапой хотя бы на ярд¹ вперед, прихлопнул бы как муху. Сердце бешено колотится от страха. Ящер тяжело дышит от распирающего его изнутри гнева, из ноздрей дракона клубится черный дым, а между чёрными чешуйками просачивается рыжее свечение.

– Ничего! – выкрикиваю в надежде, что дракон услышит меня прежде, чем выльется огонь из его пасти. – Я даже не знал, что в этой горе кто-то обитает, не говоря уже о драконе и... не знаю, о ком ещё ты говоришь.

Дракон молчит. Не понимая, что происходит, я вновь поднимаю на него взгляд. Пламя в его глазах горит очень тускло, если не сказать «тоскливо». Он погрузился глубоко в свои мысли, в очень древние и очень печальные мысли. Впрочем, отсутствовал он недолго, и огненные глаза вновь ярко разгораются, заливая зал светом десяти факелов.

¹ Ярды равен примерно 91 см.

– Иди за мной, Хорднек, – рычит он, наконец. – Есть некоторые вещи, которые Он хочет с тобой обсудить.

– Куда ты хочешь, чтобы я пошёл? – кричу ему. Огненный глаз злобно сверкает в темноте, но в этот раз мне повезло, и дракон не поддаётся приступу ярости.

– В Его логово, разумеется, – спокойно отвечает он. – Там нас не будут беспокоить другие неожиданные гости... если они объявятся.

Кровь стынет в жилах, и вопросы сами всплывают в голове. Стоит мне за ним идти? Чего хорошего ожидать от дракона?

Однако пути назад для меня нет – снаружи всё ещё светит солнце, да и злить хозяина горы явно не стоит, иначе от меня останется лишь горстка пепла. В конце концов, что может быть плохого в таком способе скоротать время?

Да, пожалуй, можно послушать пару его историй и ответить на его вопросы. Мой взгляд падает на вдавленный в камне след от драконьей лапы. Остаётся лишь надеяться, что он не станет сильно увлекаться.

– Кто этот «он», о котором ты постоянно говоришь? – спрашиваю дракона, догнав его.

– Когда-то Его знали, как Мортифера. Это было одним из множества имён, данных ему орками и людьми. Он являлся величайшим воином среди драконов, завидев которого враги бежали, выкрикивая в ужасе: «Мортифер Ужасный, Черная Погибель». Под Его началом находилась одна из самых могущественных армий, которую когда-либо знал Вэйхтен. С Ним бок о бок воевали многие орки, гоблины, демоны, огры и тролли, – на этом месте дракон сделал паузу на некоторое время, обратив на меня свой огненный взор. – Или хотя бы Он так считает.

– Выходит, в этой горе живут не один, а два дракона?

– Он никогда не делил эту гору с другим драконом! – рычит ящер.

– Но ведь ты же говоришь об этом Мортифере! – возражаю я. – Разве он...

– Он и есть Мортифер! – гневно ревет на меня дракон. В его глазах бушует огонь ярости. Придержу-ка на время язык за зубами.

Я иду за драконом вглубь горы, через обширную сеть местных катакомб, стараясь не отставать от него. В них очень легко заблудиться и никогда более не выбраться наружу. Дракон же уверенно идёт вперед, изредка поворачивая в нужный коридор. Он прекрасно знает это подземелье. Сколько же лет он здесь пробыл, чтобы настолько хорошо их запомнить?

Повсюду звучит слабое журчание воды, из глубин подземелья доносятся звуки падающих камней. Редкие жуки семят под ногами. Вскоре из-под ног раздаётся неприятный хруст. Должно быть, наступил на какую-то букашку. Смотрю вниз и вижу небольшие чёрные ветки, разбросанные по всему полу. Что они здесь делают? Никогда прежде не видел, чтобы дерево росло под землёй. Тогда откуда они взялись? Охваченный любопытством, я беру одну из веток и присматриваюсь к ней.

Секунду. Это же не ветка. Это – обгоревшая кость!

Голова закружилась от жуткого осознания. Потеряв равновесие, я падаю в самую гущу костей. Меня на секунду охватывает паника и я, сдавленно вскричав, раскидываю их в стороны. Впрочем, самообладание быстро ко мне вернулось.

Кому принадлежат эти кости? Рассматриваю их со всех сторон. Не могу сказать, многие обгорели до неузнаваемости.

Надо мной снова загораются драконьи глаза. Вначале он обращает взгляд ко мне, а потом пробегается им по обугленным костям.

– В Его пещерах побывало немало созданий, Хорднек, – говорит он. – Ты не был первым и точно не будешь последним. До сих пор из Его горы никто не выбрался, вне зависимости от того, кем он был и с чем сталкивался. За долгие столетия здесь побывали как заблудшие торговцы, так и бывалые воины. Кто-то убегал от разбойников, а кто-то искал беглеца. Оставим их. Мы почти пришли, – после этих слов он разворачивается и идёт дальше.

Я быстро поднимаюсь на ноги и иду за ним, стараясь не обращать внимание на обугленные останки жертв дракона.

Наконец, мы входим в само логово дракона, обширным залом, распростёршееся в самом сердце горы. Под моими ногами всё еще хрустят кости, но эти хотя бы можно разобрать. Многие принадлежали крупным животным: коровам, оленям, лошадям и прочим. И, в отличие от виденных ранее, не все кости здесь обгоревшие. Хотя в остальных пещерах и бывало душновато, в этой воздух ощущается свежим. Видимо, этому помог родник в углу. Его звонкое журчание уводило волнение из моего сердца.

Дракон устраивается на небольшой кучке камней неподалёку от родника, и повелительным жестом когтистой лапы приказывает мне сесть на булыжник рядом.

– Крайне необычно видеть в Его горе тролля, – говорит ящер. – Вот уже более тысячелетия Он не видел никого из вас, – дракон делает паузу на некоторое время, осмотрев меня с ног до головы. – Странно... – задумчиво произносит. – Он видел троллей, что служили под Его началом, и ему кажется, что они были... больше... Скажи, Хорднек, все ли в твоём племени настолько же низкие, как и ты?

Эти слова острым кинжалом впиваются в мою гордость. Она стонет, кричит, истекает кровью, а я чувствую эту боль. Да разве я виноват, что таким родился? Как смеет этот дракон унижать и оскорблять меня? Ругательства и грубость так и норовят сорваться с языка.

Нет, нельзя. Вспомни, как он чуть не прихлопнул меня, словно жалкую букашку. Неужели ты действительно хочешь превратиться в подстилку на пороге его логова. Или ты хочешь, чтобы твои обгоревшие кости присоединились к тем, что лежат по всей этой крипте? Не принимай поспешных решений, особенно если они могут стоить тебе жизни. Глубоко вдохни. Успокойся. Слушай родник.

– Нет. Я один такой, – отвечаю сухо.

– Один... – задумчиво говорит дракон. – Тебя уже, наверно, ищут.

– Никто не будет меня искать, – ворчу сквозь зубы.

– Почему?

– Я покинул их несколько месяцев назад.

– Выходит, твоё изгнание и привело тебя в Его владения, – шепчет дракон.

– Да, – коротко отвечаю я, поразмыслив над его словами. – А что насчёт тебя? Откуда ты, и что привело тебя сюда? Насколько мне известно, никто не видел живого дракона уже более тысячелетия. Многие считают, что ваш вид уже давно... вымер.

– Он не может дать тебе ответ, потому что сам ищет его на протяжении многих столетий.

– Так ты не помнишь, как оказался здесь?

– Он даже не помнит, кем был до этого.

– погоди, но ведь ты сказал, что ты был величайшим воином среди драконов, так? Что ты повелевал многочисленными войсками?

– Может быть, – вздыхает дракон. – Он этого не помнит, но Он это *видит*, стоит Ему закрыть глаза посреди ночи. Возможно, Духи хотят напомнить Ему, кем Он был, а, возможно, это просто дурацкие сны...

– Что же ты в них видишь?

Огонь в глазах дракона на секунду ослабевает. Ящер, слегка вздохнув, начинает свою историю:

– Как и остальные в Его роде, Он появился в недрах Эймур-Карзán², гор, которые люди называют Проклятыми. Тенрид, Дух Земли, известный среди людей как Владыка Тьмы, вместе со своими братьями, Духом Тьмы Азрахом и Духом Огня Дэозажем, создал нас, чтобы мы стали самой могучей силой, какую только можно себе представить. В Его снах Мортифер видел, что

² Переводится как Величественные Вершины.

Он был лучшим среди драконов, равно как и первым драконом, появившимся на свет. Все Его уважали и все Его боялись. Не раз Ему говорили, что Он был создан для того, чтобы повелевать войсками, привести их к победе и положить конец тирании Белого Дракона.

– Белого Дракона? – спрашиваю я.

– Да. Так в Его краях звали Духа Воздуха Шеосхота, – с заметной ноткой злобы и презрения отвечает дракон. – Лидера Древнего Союза между эльфами, людьми и гномами. Его силы вторглись в наши земли, начав тем самым Войны Белого Дракона, которые продлились многие века. Драконы, были созданы похожими на Шеосхота, чтобы, в случае столкновения с ним, мы могли не только выстоять против него, но и оборвать его жизнь. Нас сотворили в годы отчаяния, когда Белый Дракон уже почти вплотную подошел к горам Эймур-Карзан. Благодаря нам, Тенриду удалось отбросить войска Союза обратно к Боевой Равнине. Мы бы смогли отбросить их дальше, если бы гномы не придумали оружие против нас. Эльфы и люди готовили особых воинов, которых они звали «драконоборцами», – дракон ненадолго замолчал. Вдруг его глаза ярко вспыхивают, когти скрипуче царапают пол, лапа мощно ударяет об пол. – Он видел, как эти драконоборцы убивали многих Его братьев, – ревет он в гневе. Пламя в его глазах вскоре успокаивается. Драконий взгляд вновь плывёт в раздумьях. Некоторое время он сидел передо мной, погруженный в глубокие мысли, совершенно не реагируя на мои вопросы и возгласы. Я уже потерял надежду пробудить его от этого транса, как вдруг...

– Тенрид никогда Ему не нравился, – произносит он крайне мрачным тоном. – Повелитель всегда был слишком мягок и часто не решался ударить всей мощью наших армий по основным силам врага, чтобы раз и навсегда покончить с Белым Драконом. Нет, он всегда считал, что «еще не время», что это «глупо и безрассудно». При этом все его любили и уважали. Они называли его «Повелителем», хоть Тенрид и не заслуживал подобного звания!

Однажды Мортифер решил показать всем истину, доказать, что Он лучше этого трусоватого Духа, что войну можно закончить одним сокрушительным ударом. Он собрал всю свою армию и вышел навстречу войскам Союза во главе с королем эльфов Ниренном Вторым. Выиграй Мортифер ту битву, лиши Он Белого Дракона одного из сильнейших союзников, то конец Шеосхота был бы предопределён. Однако проклятый Тенрид отозвал войска!

В тот день многие драконы пали, улетая с поля боя. Он сам едва не погиб в том сражении... – дракон делает небольшую паузу, чтобы собраться с мыслями, прежде чем продолжить историю. – Да как он посмел дать этот приказ? Ведь я побеждал! Я должен был победить! – огонь разгорается в глазах дракона: он опять выходит из себя. Я спешно осматриваюсь вокруг, чтобы найти подходящее укрытие. – И как он посмел произнести такие слова? «Ты чуть не погубил нас всех! В той битве ты потерял более половины отличных воинов! Будем надеяться, что, хотя бы четверть вернулась назад. Из-за твоего безрассудства сгнуло большинство драконов». Но всё было не так! – его яростный крик проносится по катакомбам раскатом грома. К счастью, я уже сижу за валуном. – Если бы армия не отступила, если бы мы не лишились поддержки, многие бы выжили, Тенрид! Белый Дракон должен был ответить за смерти наших братьев! И как смеешь ты отчитывать меня за ошибки, которые я не совершал?! Хватит с меня! Из всех трёх братьев, ты менее прочих достоин быть Повелителем! Сегодня я лишу тебя этого звания! – скалы трещат от драконьего рыка, камни падают на мою голову. Пламя вырывается изо рта дракона, наполняя зал огненным светом. Черный дым скапливается под сводом, отчего в некогда свежем гроте с каждой секундой становится всё душнее и душнее.

– Знаешь, что, Хорднек? – звучит спокойный голос дракона, перебиваемый прерывистым рычанием. Волна гнева схлынула так же резко, как и накатила. – Он помнит, что Тенрид слыл прекрасным воином. Что же... эта слава не спасла его горло. Он все еще чувствует запах и вкус крови лже-Повелителя. Как бы сейчас говорили... два ужасных монстра сражались не на жизнь, а на смерть... Но каким бы жалким Повелителем ни был Тенрид, все его любили. И когда его братья, его генералы, да и простые воины вместе со слугами обнаружили своего

правителя с разодранной глоткой, лежащим у Его лап, каждый из них захотел Его смерти. Он был вынужден бежать. Вновь Он остался жив, но был вынужден скрываться. Он улетел настолько далеко, насколько смог, и залёг в этой горе.

Неужто опасность миновала? Будем надеяться. Выхожу из укрытия. Духи, теперь дракон кажется невероятно подавленным. Похоже, раньше он даже не ощущал того веса, который всё это время находился на его плечах. Может, стоит спросить его... не знаю, ответит ли он вообще... ну да ладно.

– Что случилось потом?

– Потом?... – немного запнувшись, произносит дракон. – Потом Он услышал вести о том, что война закончилась. Белый Дракон одержал победу над Дэозажем, который стал новым Повелителем. Достойный был воин и правитель. Как он мог проиграть? – дракон умолк. Мне становится не по себе. Зловещая тишина. Она не предвещает мне ничего хорошего. – Покинули... – внезапно говорит дракон. – Они покинули его! – громогласный рёв рассекает коридоры. – Почти треть орков и огров оставили Дэозажа. Гоблины бежали от него, равно как и... – в этот момент он резко вздыхает, и его гневный взгляд падает на меня. – Тролли!

– Подожди, дракон! – кричу я, надеясь достучаться до него. – Я не предавал Дэозажа. Меня тогда даже не было на свете!

– Ты был там, Хорднек! – уверенно рычит дракон, задыхаясь от гнева. – Ты был там в одной из своих прошлых жизней! И ты предал его, как и все остальные тролли. Сегодня ты ответишь за своё предательство!

Дракон набирает в грудь побольше воздуха. Та излучает слабый огненный свет между чешуйками. Я со всех ног бегу куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от дракона. Раздаётся звон выпавшего из-за пояса кинжал, после которого следует оглушительный рык. Зал озаряет рыжим светом, а позади чувствуется обжигающий жар. Вижу справа от себя дыру. Ныряю в неё, укрывшись за камнем. Боль пронзает левую руку – она вся покрыта жуткими ожогами, которые уже начинают исцеляться. Сорвав с себя горящую одежду, кидаю её в несущиеся рядом голодные языки драконьего пламени. Они тянутся ко мне, норовя уцепить ещё кусок моего тела. К счастью, они гаснут в воздухе прежде, чем хоть один может коснуться моей кожи.

– Пока что тебе везёт, тролль, но не надейся, что удача будет сопутствовать тебе вечно! – яростно ревет дракон, прекратив извергать пламя. Гора опять сотрясается от его рыка, и на меня вновь сыплются камни. – Ты не знаешь эту гору так, как знает её Мортифер. Он не позволит тебе сбежать отсюда. Ты можешь вечно блуждать по этим лабиринтам, так и не выйдя на правильный путь! А Он везде найдет тебя... Он искромсает тебя, растопчет и сожжет. Ты будешь кричать Его имя в агонии, моля о скорой смерти, но могу тебя уверить, Хорднек: ты её не дождешься.

А ведь эта тварь права! У меня уйдут недели на поиск выхода из этого подземелья. Дракон же жил здесь долгие века и знает здесь каждый камешек. Но так просто я ему не дам! Не из хрупкого камня я появился на свет! Нужно придумать какой-то способ выбраться отсюда. Лучше пока двинуться вглубь горы. Стоять на месте – сущее самоубийство. Буду использовать маленькие лазы – дракон по ним не пролезет. Надо быть как можно более бесшумным. Помни, что говорили мудрецы: не смей сомневаться в драконьем остром нюхе, орлином взгляде и безупречном слухе.

Топот огромных лап звучит совсем недалеко от меня. Я прижимаюсь к камню, моля Духов о том, чтобы дракон меня не заметил. Топот становится тише. Ещё тише. И вот, он исчез совсем. Облегчённо вздохнув, выползаю из-за камня и иду к ближайшему туннелю, направившись вглубь горы.

Ощуаю себя жалкой, беспомощной полёвкой, знающей, что за ней по пятам следует чёрный огнедышащий котьяра и знающей, что если он найдет её первым, то не оставит и отку-

санного хвостика. А ведь дракон может быть за любым поворотом, ждать меня. Если он нападет из засады – мне конец. Надо ещё раз прислушаться к звукам горы.

Тишина. Гробовая. Вроде, безопасно. Но лучше лишний раз в этом убедиться. Припадаю ухом к земле и...

Ничего. Только жуки шуршат под камнями.

Хотя стой! Что это? Похоже на журчание воды. Вот только оно не похоже на то, что я слышал ранее. Нет, оно звучит так, словно внутри горы бьёт не слабенький родник, а... течёт подземная река!

Вот он, мой шанс! Если я доберусь до неё, то рано или поздно выйду наружу. Конечно, она может быть как за ближайшим поворотом, так и на другом конце горы, но хоть какой-то шанс на спасение в сто крат лучше его отсутствия. Буду идти туда, где шум звучит чётче.

Как же его трудно порой различить. Одно утешение – чем глубже я забираюсь, тем четче слышу реку. Благо, слух троллей острее, чем у людей. Неудивительно, что никто из них не смог отсюда выбраться.

В конце концов, я забегая в низенькую пещерку, где этот шум звучит совсем четко. Он исходит из узковатой щели в стене. Тут раздался еще один звук: какой-то приглушенный рокот. Два огненных шара загорелись во тьме.

– А ты хитер! – говорит дракон. – Но, к твоему сожалению, Он – гораздо хитрее! – яркое пламя вырывается из его пасти, и направляется прямо на меня. К счастью, здесь полно сталагмитов и валунов, за которыми можно укрыться, так что я кидаюсь к ближайшему. Спину пронзает жгучая боль. Пламя коснулось её, оставив серьезный ожог.

– Похоже, ты нашел один из выходов отсюда. Поздравляю, – говорит он, произнося каждое слово так, словно оно доставляло ему небывалое наслаждение. Видимо, ему очень нравится эта игра в кошки-мышки. – Вот только, как ты туда попадешь, если Он сторожит его?

Действительно, как? Хм... А что, если... Нет, это – безумие. Хотя терять мне уже нечего, я и так умру, если не решусь.

– Значит, ты – величайший воин, единственный в своем роде? – спрашиваю я, всё ещё шипя от жгучей боли.

– Да, никого лучше Мортифера нет на этом свете, – отвечает дракон, прислушиваясь к моим словам.

– Тогда не понимаю, почему ты говоришь о себе так отстраненно? Почему в третьем лице? – говорю я, перебежав к следующему камню.

– Может быть, потому что Мортифер слишком ужасен, чтобы обращаться к себе «я»?! – раздражённо ревет он.

– Уверен, причина заключается в другом, дракон: ты жалок. И хуже всего то, что ты сам это знаешь, – от этих слов дыхание дракона участилось, в его груди разгорелся тусклый огненным светом, а из ноздрей повалил черный дым. – Я слышал, например, что у драконов есть несметные богатства, награбленные ими в войнах.

– У Него есть сокровища! – шипит дракон. Теперь он оборачивается чаще. Пытается определить, откуда идет мой голос. Не сможет, я постоянно перебегаю между валунами, раскиданными по всему залу.

– Ты о тех обгоревших костях? О, Духи, насколько же низко нужно было пасть, чтобы ценить подобный мусор? Нет, дракон, ты прекрасно все осознаешь. Ты обленился, отрастил брюхо и стал лишь тенью былого величия!

– Клянусь, ты проглотить эти слова, когда Он тебя найдет, – рычит дракон, задыхаясь от злобы. В воздухе вновь запахло серой и трупной вонью от его частого дыхания.

– Ты более не великий монстр. Ты – жалкий червяк, неспособный даже убить полурогатого тролля в своем логове. Знай же, змеюка, что я пришел снаружи, где твое имя никому не известно. Ты стал не более чем историей, старой и забытой, как ты сам. Да и зачем мне это

говорить? «Он» прекрасно это осознает, иначе зачем ему так старательно забывать о том, кем он был когда-то, кроме как для того, чтобы забыть, с каких высот он так низко пал?

– Он будет убивать тебя медленно... он вырвет эти слова из твоей глотки, – огромный глаз приблизился ко мне, освещая всё вокруг рыжеватым светом.

– Желаю ему удачи! – кричу я и, выбежав из-за колонны, бью дракона в глаз каменной рукой. Ящер ревет от боли. Он вертится, машет хвостом, извергая огонь. Его охватила ярость. Глаза горят, переливаясь оттенками красного, грудь светится, а голос рокочет:

– Я уничтожу тебя! Я обрушу на тебя всю гору, если понадобится!

Он едва не растаптывает меня лапами и не сбивает хвостом, но я уклоняюсь от его атак и бегу из укрытия. Осколки бьют в глаза, гора гремит и гудит, грозясь обвалиться мне на голову. Проскочив под пронёсшимся передо мной драконьим хвостом, я сигаю прямо в щель в стене. Вот! Уже почти пролез в неё. Чёрт! Окаменевшая рука застревает в проходе. Спешно обхватываю её другой, упёршись ногами в стену. Каменную руку колет от напряжения. Из тьмы на меня смотрят два огненных глаза, наполненных яростью и злобой. Грудь дракона ярко разгорается демоническим огнём. Я вновь резко дёргаю руку, высвободив её. Потеряв равновесие, падаю во тьму. Та озаряется пламенем, сопровождавшимся отчаянным ревом. Продолжаю катиться по склону, пока меня не объяла ледяная вода. Течение реки с каждой секундой только ускоряется. Слышу буйный шум водопада. Надо вылезать отсюда! Живее!

Но мне не удаётся ни выбраться из реки, ни зацепиться хоть за что-нибудь. Провалившись в водопад, я сильно ударяюсь об дно головой и теряю сознание.

Очнувшись, я обнаруживаю, что все еще нахожусь внутри горы. Точнее, в гроте, через который вытекала подземная река. Пройдя вдоль течения, я наконец-то выхожу из пещеры. Справа от меня течёт серебристая от отражения полной луны река, а слева растёт густой лес. Недолго думая, я направляюсь в самую его чашу.

Через час мне попадаются олени следы. Иду по ним, пока следы не начинают перебивать другие. Что здесь произошло? Похоже, словно оленя загнала группа других зверей. Следы слишком сильно смешаны друг с другом, не различить. Хотя нет, эти я припоминаю. Волки. Они напали на оленя сзади, пытались кусать и царапать его. Кровь на дереве, серьёзная рана. Олень не мог уйти далеко. Замечаю ещё группу следов, уходящих вглубь леса. Они заворачивают налево, теперь – направо, вокруг холма.

А вот и сам олень. Кучка костей, местами облепленных мясом. Кровь ещё не высохла, его растерзали совсем недавно. Мои размышления прерывает рычание позади.

Ко мне осторожно приближается черный волк. Ростом он повыше меня, его глаза ярко светятся в ночи, а с оскаленных зубов капает кровь. Не делая резких движений, я принимаю защитную позу, но вскоре слышу ещё несколько рыков неподалёку. Пять серых волков берут меня в кольцо. Закрываю глаза и сосредоточиваюсь, прислушиваясь к волкам, чтобы понять, откуда ожидать атаки.

Волк справа срывается с места. Отпрыгиваю в сторону, ударив зверя каменной рукой по морде. Серый скулит от боли, и, сделав пару неуверенных шагов, падает замертво. Увидев смерть своего собрата, на меня кидаются сразу несколько рассвирепевших волков, попроворнее погибшего. Я пытаюсь их ударить, но они без труда уклоняются от медленных взмахов каменной рукой. Один волк хватает её зубами, но лишь ломает себе клык. Другой – одним прыжком опрокидывает меня на спину. Он пытается вцепиться мне в горло, но я вовремя подставляю под его клыки левую руку и с размаху бью каменной, раздробив ему голову. Кровь животного заливает глаза, во рту ощущается её металлический привкус. Оттолкнув от себя мертвого зверя, я вскакиваю на ноги, но чёрный волк вцепляется мне в левую руку и влечёт за собой, не давая мне подняться. Вскрикнув от боли, я пытаюсь подняться, но тот лишь дёргает меня в сторону и принимается раздирать мою руку. Тогда я отчаянно бью его каменной

рукой в бок. От боли зверь только сильнее сжимает челюсти, на что я отвечаю ему еще более сильным ударом. Кости громко хрустнули у волка в груди, и он, болезненный взыв, выпускает, наконец, руку.

Слишком много врагов. И они чересчур ловки. Не представляю, как с ними справиться.

Следующий волк подскакивает ко мне. Звучит короткий свист. Серый замятво падает в двух шагах от меня. Из шеи животного торчит стрела. Вскоре еще два зверя откидывают лапы. Вожак взволновано рычит. Беспокойство охватывает и меня. Кто, чёрт побери, их убивает? Черный волк бежит в мою сторону. Ещё одна стрела, свистнув, попадает ему в лапу, отчего он на секунду запинается. Я тут же обрушиваю на него каменную руку. Волк, хоть и пошатнулся, но всё ещё крепко держится на своих четверых. Следующий удар раскраивает ему череп. Отдышавшись, достаю стрелу из его тела. Её древко сделано из очень легкого, но крепкого белого дерева. Явно не из тех, что окружают меня. На тонком удлинённом наконечнике тускло блестит позолоченный узор. Такие стрелы могут принадлежать только одному народу во всём Вэйхтене. Обернувшись, я замечаю перед собой двух златовласых эльфов-рейнджеров в украшенной золотыми узорами кожаной броне, целившихся в меня из луков.

– Ты всё еще считаешь, что этот гоблин может быть как-то связан с дроу? – говорит один эльф другому.

– Протри глаза, Марцель, – отвечает тот. – Перед нами явно не гоблин.

– С чего ты это взял?

– Этот слишком высок для гоблина. А если судить по окаменевшей руке, длинному носу и форме ушей, перед нами с тобой стоит тролль.

– Тролль? – недоверчиво спрашивает другой. – Ты уверен, Зиэль?

– Представь себе, тролль! – кричу я, но эльфы не обращают на меня внимания.

– Если он – тролль, выходит, за этим действительно стояли дроу, – задумчиво произносит второй.

– Все может быть, – заключает первый. – Но нельзя быть уверенным наверняка. Нужно привести его к Гирьяму. Замешаны дроу или нет, тролль при любом раскладе может быть полезен.

– О чем это вы? – спрашиваю я, но эльфы по-прежнему игнорируют меня.

– Да, ты прав. Он наверняка знает, как с ним поступить. Что ж, тролль, ты идешь с нами, – обращается эльф ко мне.

– Никуда я с вами не пойду!

– Если ты откажешься идти, мой друг пустит тебе стрелу в глаз. Думаю, в нашей с ним меткости ты не сомневаешься, – сказав это, эльф подходит ко мне. Я пытаюсь ударить его, но тот, резко перехватив руку, опрокидывает меня наземь.

– Если ты так хочешь... – произносит второй эльф и точным ударом ноги оглушает меня.

Глава 2. Эльфами пойманного

Сколько меня уже здесь держат? Этот вопрос крутится в голове с того самого момента, как я открыл глаза. Голова всё еще гудит от эльфийского пинка. Значит, прошло не так уж много времени. Головокружение не даёт подняться на ноги, я смог лишь присесть. Ничего, даже сидя можно без проблем оглядеть ту дыру, в которую я угодил.

Это – не простая тюрьма. Она явно сделана для таких, как я. В ней стоит кромешная тьма, которую едва прорезает тусклая, почти догоревшая свечка на табуретке по ту сторону решетки. Подо мной шелестит и покалывает ноги солома, а подушка слишком твёрдая. Готов поклясться, мне подложили завернутый в ткань камень. В общем, всё как я люблю. Как только я пришёл в себя, мой нос пронзил стойкий тошнотворный запах, исходящий от ведра в углу напротив. В камере чертовски жарко и душно. Если в этом месте и есть хоть какая-то отдушина, её давно забило пылью и грязью.

Надо отдать эльфам должное: решетка камеры действительно крепка. Я нанёс ей несколько сильных ударов, но она даже не погнулась. Мне лишь удалось позлить звоном решетки стражников. Их экипировка отличается от одной у эльфов-рейнджеров. На каждом её элементе тускло блестят детали, сделанные из золота: узор на стальном нагруднике пластинчатой брони, окантовка высокого стального шлема, рукоять меча и отделка железных ножен. Щит украшает золотой герб, принадлежавший королевской семье: птица с расправленными крыльями, оставляющая за собой огненный след, и небольшой диск над её головой, окружённый маленькими треугольниками. Рад за тебя, маленькая тварь. Ты свободна, можешь улететь куда вздумается, а я останусь гнить в этой темнице. Прежде чем стражник закрыл дверь, я услышал, как он кричал что-то на эльфийском.

Не проходит и минуты, как в темницу врываются эльфы в латах и скручивают меня. Руки связаны, на голове – вонючий мешок, а самого меня ведут чёрт знает куда. Мы пару раз останавливаемся, эльфы ругаются между собой на своём языке, а под конец я слышу скрип отворяющихся массивных дверей. Меня валят на колени сильным толчком в спину, после чего наконец-то снимают мерзкий мешок. Яркий свет бьёт мне в глаза. Тщательно проморгавшись, я обнаруживаю, что нахожусь в тронном зале, вытянутом помещении, с очень высоким сужающимся потолком, под которым висит гигантская лампа. Вся эту конструкцию поддерживают колонны, на которых ярко горят светильники, так что в зале светло как днем, хотя за окнами глубокая ночь. Позади трона, вырезанного из белого дерева громадного кресла, висит обширное красное знамя с вышитым золотом гербом с взлетающей птицей, огненный след от хвоста которой идёт вниз по знамени и продолжается по ковру. К трону ведёт крутая лесенка, возле самой нижней ступени которой лежит круглая красная подушка с тем же огненным узором, что и на ковре под ней.

На троне гордо сидит эльф в красном кафтане, пестрящем блестящими узорами, драгоценными камнями. На поясе, продолговатом куске кожи, сверкают бриллианты и рубины. Из-за свисающих до плеч золотистых волос топорщатся острые кончики ушей. Торчащая полосой волос борода окончательно превратила его для меня в высокомерного козла с золотой шкурой, одетым в красный халат. Его взгляд направлен куда-то в сторону. Видимо, эльф слишком важен, чтобы замечать меня. Встаю на ноги, чтобы этот урод обратил на меня внимание.

– На колени перед королевским советником, троль! – рывкает на меня стражник, но я не обращаю внимания на его приказ, за что получаю удар по ноге, заставивший меня опуститься на колено.

– Ну-ну, дорогой Дарианн, – раздаётся отвратительно сладкий голос советника. – Не нужно быть настолько жестоким к нашему гостю. Мы же с вами не какие-нибудь варвары, чтобы бить гостей?

– Прошу прощения, Светлейший, – отвечает стражник, отступив от меня. Я вновь поднимаю глаза на советника. Его золотые, как и у всех эльфов, глаза теперь пристально смотрят на меня. До сих пор меня так буравили взглядом, лишь когда в ярости хотели убить. Но не сейчас, его взгляд сильно отличается от прочих: в нем нет злобы. В нем... любопытство.

– Прежде чем мы начнем, скажи мне, мой дорогой гость, понимаешь ли ты всеобщий язык? – обращается ко мне советник.

– «Пленник» подходит мне больше, – едко замечаю я, за что получаю сильный удар в спину, опрокинувший меня на пол.

– Отвечай на поставленный вопрос, тролль! – грозно говорит стражник.

– Дарианн, я тебе уже говорил: не стоит причинять ему боль. Это только усложнит наше общение, – слегка устало произносит советник. Его глаза снова обращаются ко мне: – Если ты чувствуешь себя как в плену, то прошу меня простить, это просто небольшие меры предосторожности. Ты волен идти туда, куда тебе вздумается, но сначала я хотел бы поговорить с тобой.

– Думаешь, я поверю в эту чушь, эльф? – гневно шиплю я, поднимаясь с пола.

Советник после недолгих раздумий приказывает стражнику:

– Дарианн, развяжи его.

– Но, Светлейший... – пытается возразить тот.

– Сделай, как я сказал, – грозным тоном пресекает эту попытку советник.

Стражник нехотя срезает веревку на моих руках. Я машинально принимаюсь растирать кожу там, где еще недавно ее сдавливали веревки, но в итоге лишь слегка потёр каменной рукой другую.

– А теперь оставьте нас! – громогласно приказывает советник.

Стражник опять пытается ему возразить, но на этот раз советнику хватает одного лишь гневного взгляда, чтобы тот проглотил язык и исполнил его волю. Не успеваю я обернуться, как мы с советником остаёмся в тронном зале одни.

– Теперь, когда нашему общению ничто не мешает, я надеюсь провести с тобой конструктивную беседу, – говорит он, поднявшись с трона и направившись ко мне. Его походка настолько плавная и бесшумная, а подол мантии так хорошо скрывает ноги, что у меня создаётся впечатление, будто эльф не ходит, а парит над полом. С каждым его шагом мне становится всё более и более не по себе.

– Я – Гирьям из рода Фáррис, советник короля Банирéна Второго из дома Надерлáн, – говорит он, остановившись на расстоянии вытянутой руки от меня. Если он вдруг попытается ко мне прикоснуться, сломаю ему чертову руку. – А кто же ты, позволь тебя спросить?

– Хорднек, – неохотно отвечаю я. – Тролль-одиночка.

– Очень хорошо, – полушепотом произносит эльф с легкой улыбкой. – Сколько тебе лет, Хорднек?

– Понятия не имею. Я их не считаю.

– Досадно, – слегка вздыхает он. – Тогда, может быть, расскажешь немного о себе?

– Что ты хочешь услышать от меня? – раздраженно выкрикиваю я. Этот разговор выводит меня из себя. Он всерьёз думает, я не понимаю, что ему что-то от меня надо?

– Очевидно, я хочу услышать ответ на мой вопрос. Будь так добр.

От его мягкого голоса болят уши. Ударить бы его по наглой роже... но тогда стражники ворвутся в комнату и меня опять повяжут, а то и того хуже. Так или иначе, со всей королевской стражей я ни за что не справлюсь. В лучшем случае, буду драться до первых лучей солнца.

Ладно, остроухий. Сыграем в твою игру.

– Я был рожден в пещерах Пылистой горы. Теперь у меня нет племени. Я навсегда покинул край, который когда-то называл родным. Не понимаю, зачем ты вообще задавал этот вопрос, – последнюю фразу я случайно произнес вслух.

Советник умолк на некоторое время, пристально смотря на меня. От этого оценивающего взгляда мне стало жутко, но я, не подавая вида, продолжаю держаться уверенно.

– Ты отлично владеешь всеобщим, – произносит он, наконец. – Честно говоря, я поражен! Ты так свободно на нем говоришь. И без какого-либо акцента! Неужели в вашем племени ему настолько хорошо обучают?

– Нет, – отрезаю я, на миг задумавшись. А ведь я считал, что всеобщий язык зачарован. Но если дело не в этом, то почему я так хорошо им владею? – Похоже, мне повезло таким родиться...

– Любопытно, – задумчиво шепчет эльф. Теперь он не отрывает от меня поганный взгляд ни на секунду. Мне показалось, что теперь он даже не моргает. – Скажи мне, Хорднек, – говорит он заинтересованным тоном. – Доводилось ли тебе что-либо слышать о Детях Луны?

– Детях Луны? – переспрашиваю я. О ком вообще идет речь? – Никогда. Я слышал лишь, как твои рейнджеры упоминали каких-то «дрои».

– Прошу тебя, больше никогда не произноси это ужасное слово! – болезненно перебивает меня советник. – Ты даже не представляешь, насколько это грубое прозвище.

– Ладно, – бурчу я.

– Понимаешь, – тяжело вздохнув, продолжает советник. – С самого появления нашего рода эльфы были разделены на два народа: мы, например, зовем себя Детьми Солнца, потому что наш род произошел от Райнеля Светлого, что родился и рос в эпоху Творения и вознесся на небо вместе со своей сестрой, Лэфией Милосердной. Думаю, ты обратил внимание на наше сходство с великим предком.

– Я обратил внимание на вашу одержимость золотом, – сухо подмечаю я.

– О, это всего лишь дань уважения, ничего более, – усмехается советник, и, обернувшись, добавляет: – Посмотри на это знамя, – эльф показывает ладонью на знамя позади себя. – На нем изображен герб дома нашего короля. Скажи, что ты видишь?

– Птицу с огненным следом.

– Знаешь ли ты что это за птица? – в ответ на этот вопрос я лишь качаю головой. – Это – феникс, птица Райнеля. Считается, что часть его божественной сущности воплотилась в них. Эти птицы горды и независимы, но самое главное: они бессмертны. Когда век феникса подходит к концу, он сгорает, а потом возрождается из собственного пепла. Любому королевству приходит конец, но, когда придет конец нашему, оно воспрянет вновь и будет еще ярче, еще величественнее и еще могущественнее, чем когда-либо.

– Надеюсь, ты не будешь рассказывать мне всю историю королевской семьи. Не хочется простоять тут до утра.

– Уверен, что не хочется, – усмехается советник. – Дети Луны были сотворены Лэфией, но в их создание вмешался Азрах Темный, поразив их своей Тьмой. Мой тебе совет, Хорднек, если увидишь эльфа, чья кожа черна, как ночь, а волосы белы, как снег, беги от него как можно дальше. От них нельзя ждать ничего хорошего.

– Учту на будущее, – говорю я, пытаюсь скрыть свой недоверчивый тон.

– Тогда перейдем к более важным проблемам. Скажи, Хорднек, знаешь ли ты, почему тебя вообще привели ко мне?

– Почему бы тебе не спросить об этом своих рейнджеров?

– Я спрашивал, и, поверь мне, они принесли неутешительные для нас обоих вести, – после этих слов он разворачивается и идет в сторону трона, говоря на ходу: – Марцель и Зиэль нашли тебя неподалеку от горы Олеор. За несколько часов до этого они видели, как из её пещер вылетел черный дракон, возможно являющийся легендарным Мортифером. Он с десятков минут облетал гору, после чего направился по течению реки, разгромив попавшиеся на пути людские деревни.

От одного упоминания о драконе у меня заледенела кровь. В голове всплыла бешенная ярость в глазах монстра, когда я видел их в последний раз.

– Они полагают, что ты можешь иметь к этому... некое отношение, – произносит он, повернувшись ко мне.

– Что ты имеешь ввиду? – в гневе кричу я. – Какое отношение я могу к этому иметь?!

Советник спешно подходит ко мне и шепчет:

– Послушай меня, Хорднек. Сейчас я действительно пытаюсь тебе помочь. Я хочу разобраться с тем, что там произошло и понять, как так получилось, что взбешенный дракон покинул пещеру, пролетел вдоль реки и разгромил те деревни. Погибли ни в чем не повинные люди. Остальные лишились крова, имущества...

– Чхать я хотел на людей! – перебиваю я эльфа и показываю ему каменную руку: – Вот что они со мной сделали. Какое мне должно быть до них дело после этого?

– До них, может и никакого, но тебе стоит побеспокоиться о себе. Я не знаю всей полноты картины, но, если судить по тому, что у меня есть, вот что я могу сказать: пострадав от действий людей, ты возжелал их мирному народу возмездия. Ты каким-то образом узнал или случайно обнаружил, что в недрах горы Олеор скрывается черный дракон. Убедив или разозлив дракона, тебе, в конечном счете, удалось заставить его напасть на людские поселения, тем самым утолив свою жажду мести.

– Это неправда, эльф, и ты знаешь это, – говорю ему сквозь зубы, с трудом сдерживая раздражающий меня изнутри гнев.

– Тогда расскажи мне, что произошло на самом деле, – произносит он, усевшись на трон. Набить бы ему морду! Да хоть сейчас, лишь бы стереть надменность и высокомерие с его лица. Однако это только закрепит его обвинение. Да и меня за такое точно убьют на месте.

– На дракона я наткнулся случайно, – говорю я. – Я хотел найти себе убежище на день, а потом отправиться дальше. Мне и в голову не могло прийти, что там может прятаться дракон. Он расспрашивал меня о моём племени, о моём... росте. Мы рассказывали друг другу наши истории, после чего он неожиданно вышел из себя и напал на меня. Мне удалось от него сбежать. Потом меня нашли твои эльфы. Больше мне не о чем рассказывать.

Советник сидит еще какое-то время, тщательно обдумывая мои слова. Наконец, он говорит:

– Воистину, ты – удивительное создание, Хорднек. Даже настолько очевидную ложь ты рассказал так, что мне совершенно не к чему придаться.

– Ложь?! – восклицаю я в ярости. – Всё, что я говорил – чистая правда!

– Сожалею, что все пришло к этому, – раздосадовано говорит советник, громко щелкнув пальцами. Стражники быстро окружают меня. Видимо, всё это время они подслушивали нас. – Дарианн, проводи его обратно в камеру. Уверен, что очень скоро наш друг расскажет, что произошло на самом деле.

– Пошел, – приказывает мне стражник, ткнув меня мечом в спину.

– Не смей тыкать в меня мечом! – рычу я.

– А не то что? – усмехается тот и пытается ткнуть меня еще раз, но я резко разворачиваюсь и бью каменной рукой эльфа так, что шлем слетает с его головы, а сам стражник падает навзничь. Шлем запачкался в крови, хлеставшей из разбитого носа. Внезапно звучит резкий грохот, на мгновение вся комната наполняется ярким белым светом, и мне в спину приходится мощный удар, от которого всё моё тело вмиг парализовало, а меня самого впечатало в стену напротив. С трудом повернув голову, я вижу стоявшего посреди зала советника. Он указывает на меня рукой, с пальцев которой струится дым. Видимо, он-то и создал этот мощный электрический разряд, который вывел меня из строя.

– Унесите его! – слышу я прежде, чем провалиться во тьму.

Не знаю, сколько я пролежал без сознания. Знаю лишь, что всё ещё нахожусь в той же зачуханной темнице. Спина чудовищно болит, так что я не могу лежать на ней, и встать удаётся лишь с огромным трудом. Единственное, что у меня получается делать без проблем – сидеть в размышлениях и ожидании дальнейших действий эльфов. Но ничего не происходило, лишь стражник со сломанным носом изредка спускается ко мне, чтобы кинуть буханку зачерствелого хлеба, на котором уже просматриваются темно-зеленые пятна плесени, и бурдюк с водой, которую, судя по вкусу, набрали из какого-то болота.

Через несколько часов боль, наконец, проходит и мне удаётся уснуть. В ту ночь мне снился очень странный сон. В начале казалось, будто я пробираюсь по какому-то лесу. Листва мешает разглядеть путь дальше, так что я раздвигаю её перед собой, обнаружив, что моя правая рука больше не каменная. За листвой виднеется лесная опушка, освещённая полной луной. Под ногами звучит отвратный хруст. Смотрю вниз и вижу разодранный обгоревший олений труп. Позади раздаётся оглушительный рык. Из тьмы на меня кидается гигантский черный волк. Его глаза пылают яростным пламенем, с клыков капает кровь, а смрада из пасти хватит, чтобы задохнулось несколько людей. Волчьи клыки тянутся к моей глотке, но я держу его правой, вновь окаменевшей, рукой. В этот момент гнев в глазах волка разгорается с новой силой, из его пасти вырывается пламя, поглотив меня с головы до пят. В холодном поту я вскакиваю на ноги, размахивая руками, пытаюсь прогнать последние остатки сновидения.

В следующие ночи мне видятся подобные кошмары. В одном из них я выбираюсь из леса, пока меня не встречает яркий свет. Пытаюсь укрыться от него правой рукой, пока с ужасом не замечаю, как она, некогда бывшая здоровой, вновь каменеет вместе с моим телом. В другом я выбираюсь из реки с чересчур сильным течением. Река заканчивается водопадом, внизу которого торчат острые камни. Я просыпаюсь, когда они пронзают моё тело насквозь.

Через несколько дней мне снится последний кошмар, гораздо реальнее предыдущих. Я оказываюсь в пещере, которая кажется чересчур знакомой. Выйдя из нее через небольшой коридор, я вижу свое племя, а они – меня. В их взглядах нет никакой ненависти и злобы. Они подзывают меня к костру, словно старого друга. Мудрецы поздравляют с возвращением, а те тролли, что когда-то меня задирали, дружелюбно хлопают по плечу и пожимают правую, опять здоровую, руку. Необычное чувство появляется внутри меня. Кажется, люди называли его... счастьем.

Всё это окончилось, когда пещеру заполнил ужасный грохот. Земля затряслась, а под сводом промелькнула громадная тень. Мою руку вдруг словно начинает резать раскалённым лезвием. Она медленно обращается в камень. Мрак озаряет ярким рыжим светом. Заплясали языки пламени, которые вмиг поглотили племя. Я же чудом уклоняюсь от них. Рядом со мной приземляется нечто крупное. Земля дрожит от мощного удара, и я, еле удержавшись на ногах, оборачиваюсь. Передо мной стоит черный дракон. Грозный рык монстра гулом отдаёт в глубинах катакомб:

– Наконец-то Он увидел тебя вновь, Хорднек! Как же долго Он жаждал этой встречи!

– Что тебе нужно от меня, дракон? – кричу я, несмотря на то, что знаю ответ на этот вопрос.

– Ему нужно, чтобы ты горел и умолял о пощаде, – после этих слов дракон извергает пламя, но я прыгаю ему под ноги и уклоняюсь от несущегося на меня огня. Выбегаю из пещеры через ближайшую арку. Думай, Хорднек, думай! Раз я в подземельях Пылистой горы, значит, теперь преимущество в знании горы на моей стороне! Бегу к ближайшим туннелям. Ящер должен меня потерять.

Однако скоро знакомые мне коридоры изменились: одни повороты исчезли, другие — появились. Катакомбы змеятся, путаются и ведут совсем не туда, куда надо. Но при этом они всё равно выглядят знакомыми. Где же я их?..

О, нет!

Это – пещеры из горы дракона. Опять я в той ловушке. Ну, ничего. Сбежал же в первый раз, значит сбегу и во второй! Я побежал к реке, благо дорога мне хорошо запомнилась. Позади меня звучит нарастающий гул и звериный рык, отдававшийся эхом по подземелью: дракон быстро меня нагоняет.

Наконец, я прибегаю в спасительную пещерку и, заметив ту самую расселину, что ведёт к реке, спешно лезу в неё. Но рука, уже полностью окаменевшая, снова застревает. Начинаю её освобождать, как и в прошлый раз, пока не вижу два огненных глаза по ту сторону щели. Дракон громко рычит и меня, так и не успевшего освободить руку, охватывают языки пламени. Я кричу от дичайшей жгучей боли, полностью поглотившей моё тело, и вскакиваю на ноги. Панически озираюсь по сторонам. Слава Духам! Никогда не думал, что буду рад снова видеть каменные стены тюрьмы, вонючее ведро в углу и огонек свечи. Глубоко вздохнув, сажусь на пол, прислонившись к стене позади. Наконец-то этот кошмар закончился.

– Все-таки, ты говорил правду, – доносится знакомый голос по ту сторону решетки. Этот омерзительно сладкий голос невозможно забыть. Присмотревшись, я замечаю советника, сидящего в свете тускловатой свечи так, что его лицо было видно только наполовину. Так значит...

– Эти сны – твоих рук дело, эльф? – задыхаясь от гнева, говорю я.

– Не совсем. Отбрось сено и увидишь все сам.

Я подхожу к своей «койке» и, откинув сено, вижу слабое фиолетовое свечение, отдаваемое одним из камешков, вставленного в небольшую дырку в полу. Вынимаю камень и осматриваю его. Так вот, что излучает свет. Магическая руна, похожая на квадрат без левой стороны. И все эти кошмары из-за этого куска дерьма? В ярости я со всей силы швыряю этот камень об стену так, что тот раскалывается на маленькие кусочки.

– Зачем надо было ломать рунический камень? Они не такие уж и дешевые, – с легкой досадой произносит десница.

– Ничего, денег у тебя и так в избытке, – говорю я, от злобы стиснув зубы.

– Хотелось бы, чтобы так и было, – с легкой грустью отвечает советник. – Прости за неудобство, но мне действительно нужно было понять, что случилось в этой злосчастной горе.

– Я тебе и так всё рассказал. Ты лишь зря тратил время.

– Мне нужно было убедиться в правдивости твоих слов.

– Ну что, убедился?!

– Видишь ли, когда у тебя начинался кошмар, меня об этом быстро информировали. Благодаря чарам, наложенным на ту руну, ты разговаривал во сне, и я мог слышать каждое твое слово. «Я сбежал раз, сбегу и второй», разве не так это звучало? Конечно, полной картины у меня всё еще нет, но того, что есть, вполне достаточно, чтобы обвинить тебя в причинении массового ущерба людскому народу.

– Вот только в этом нет моей вины! – говорю я. – И кто будет меня судить? Эльфы?

– Если бы судить тебя могли *мы*, приговор мог бы быть несколько мягче, но урон причинен людям. Они будут тебя судить и приговорят к мучительной смерти, – эльф после небольшой паузы, наклоняется и продолжает полупрошептом: – А теперь послушай меня, Хорднек. Я могу тебе помочь, я спасу тебя, если ты мне расскажешь об этом драконе. Прямо сейчас идет обсуждение того, как же нам избавиться от него. Ты же видел чудовище своими глазами и, что немаловажно, остался в живых. Если ты расскажешь о своей встрече с драконом, то окажешь неоценимую услугу.

– А что собираешься делать ты?

– Если мне не удастся убедить короля тебя амнистировать, то что ж... в конце концов, иногда люди просто... пропадают.

Да... ну и предложение. Теперь вопросов крутится в голове гораздо больше, чем даже тогда, когда мне снился первый кошмар. Можно ли доверять эльфу? Выполнит ли он свою часть сделки? И хотя ответ напрашивается сам собой, я все-таки решаю дать эльфу шанс:

– Ответь мне на несколько вопросов. Они помогут мне определиться.

– Это меня устраивает, – соглашается он, поудобнее устроившись на стуле. – Что тебя интересует?

То, что ты от меня скрываешь, остроухий. Ничего более.

– Кто-нибудь знал об этом драконе? – спрашиваю я.

– К сожалению, нет. Если бы Банирен знал, что рядом с нами находится дракон, он бы тут же уничтожил чудовище.

– Меня спасли рейнджеры, а вызвали к тебе... они доложили обо мне, да?

– Да, рейнджеры всегда докладывают мне, что произошло. Я в курсе всех последних событий.

– Что скажешь о них? Профессионалы своего дела, не так ли? Наверное, было не так уж просто выследить меня посреди ночи для таких дневных созданий, как вы?

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, мой друг.

Теперь-то всё ясно. Вот, что ты скрываешь за своей любезностью.

– Сукин ты сын... ты знал, что там есть дракон! – восклицаю я.

– Это не так, Хорднек. Ты ошибаешься! – уверенный тон эльфа пошатнулся. О нет! Я не могу ошибаться.

– Ошибаюсь? – грозно говорю я. – Как бы не так... ты не мог не знать о драконе. Неужели, рейнджеры не могли обнаружить присутствие дракона за всё время его обитания внутри этой горы? Не держи меня за идиота, остроухий, мы оба знаем, что это невозможно.

Эльф немного замешкался, но потом выдыхает:

– Ты прав, Хорднек. Это действительно невозможно. Да, я знал об этом драконе, но не хочешь же ты сказать, что в произошедших бедах виноват я, только потому, что скрывал факт его существования?

– Очень даже хочу! – отвечаю я. – Но ты, кажется, все еще чего-то недоговариваешь... не думаю, что безупречное сокрытие огромной ящерицы возможно на протяжении... скольких лет? Сотен? Тысяч? Уверен, рано или поздно кто-то еще наткнулся бы на этого монстра или на последствия его действий...

– Да, были такие. Как правило, это были люди-фермеры. У кого-то была растерзана корова, кто-то наткнулся на огромные следы, но ничего серьезного не было. Дракон никогда раньше не проявлял сильной агрессии и не попадался никому на глаза. Слушай, мой друг, давай сменим тему и поговорим уже о том, что произошло в горе?

Настаиваешь на смене темы? Боишься, что после того как я раскрыл один твой маленький секрет, то раскрою и второй? Что ещё ты можешь скрывать? Что-то насчёт людей-фермеров?

«Из его логова никто не выбрался, вне зависимости от того, кем был и с чем сталкивался, – зазвучал голос дракона в моей голове. – Здесь были как заблудшие торговцы, так и бывалые воины. Кто-то убегал от разбойников, а кто-то искал беглеца...»

«Иногда люди исчезают», – перебивает дракона голос советника.

– Он попадался, не так ли? – спрашиваю я, потрясенный осознанием правды.

Эльф молчит.

– Скажи мне, остроухий, попадался ли он на глаза кому-то кроме твоих рейнджеров или нет?! – в ярости кричу я.

Эльф все еще молчит.

– Я, кажется, нашел несколько сотен останков этих людей в горе. Они приходили к тебе за помощью, не так ли? Или их, как и меня, ловили твои эльфы? Какой приказ у тебя был на их счет?! – крик от каждого вопроса становился всё громче и громче. – Скажи мне, эльф! Скажи!

Эльф, промолчав ещё некоторое время, начинает медленно рассказывать:

– У нас не было другого выхода. Если верить моему прадеду, первым дракона увидел владелец небольшой свиной фермы. Примерный гражданин, отличный человек... ему просто не повезло. Он пошел искать сбежавшую свинью и увидел дракона, который ее уташил. Бедолага потерял дар речи... рейнджеры нашли его первыми. Долгое время прадед говорил с магами, обсуждал, можно ли было стереть его память, чтобы он никогда не вспоминал этот день и продолжал жить своей обычной жизнью? К сожалению, в его случае, как и во всех остальных, шок от встречи был невероятным. Такое удалить невозможно... конечно, он мог бы выставить фермера за сумасшедшего, но тогда тот привлек бы слишком много ненужного внимания к горе, – тут он ненадолго замолчал. – Иногда люди пропадают... слова, которые вот уже тысячу лет нашей семье приходится говорить родственникам несчастных...

– В то время, как на самом деле ты отправлял их прямо в пасть к дракону...

– Многие люди пропадают без вести в наших лесах, Хорднек. Каждый день рейнджеры натываются на то, что осталось от заблудившихся. Один пытался переночевать в медвежьей берлоге, другого нагнала стая диких волков. Смерть в пасти дракона – далеко не худшая из всех смертей. Кроме того, знаешь ли ты, *кто* там поселился?

– Можешь быть уверен. Он был довольно разговорчив, – злобно отвечаю я.

– Значит, ты понимаешь, что нам ни в коем случае нельзя было допускать того, чтобы к Мортиферу вернулся прежний дух. Я в курсе того, насколько сильно его потрепала жизнь, и я знал, что он мог просидеть в своих пещерах еще долгие столетия. Если бы я направил все силы, чтобы убить эту тварь, пострадали бы сотни эльфов, сотни искусных воинов. И это в лучшем случае. Да, дракон был бы мертв, но какой ценой? Хочешь меня осуждать – осуждай, но я считаю, что из всех вариантов, я выбрал самый благоприятный.

– Если эльфы тебе намного дороже людей, тогда какое тебе дело до меня, тролля? – спрашиваю я. – Признайся, ты не собирался меня освободить.

Молчание. Наконец, эльф произносит:

– Из всех зол нужно выбирать меньшее... я в это верю. Если нужно пойти на какие-то жертвы ради всеобщего блага, я так и поступлю. Также, я верю в справедливость и в то, что рано или поздно всем нам придется отвечать за свои поступки. Хотел ты этого или нет, ты виноват в смертях и страданиях многих людей, и ты *должен* будешь за это ответить. Пусть эти страдальцы почувствуют хоть крупицу счастья в наши темные времена. Завтра тебя заберет конвой и отправит в ближайший город людей, где тебя осудят и казнят...

– Зато ты, отправивший множество людей дракону в пасть, по-прежнему будешь гулять в дорогих одеяниях и радоваться жизни.

– Рано или поздно, придет и моё время ответить за свои грехи, Хорднек. Возможно, в последние часы моей жизни, я увижу лицо каждого из тех, кого отправил на верную смерть. Но разве тебе есть дело до меня или до людей?

– Нет, только до себя, – я отворачиваюсь и, услышав, как захлопнулась дверь, начинаю лупить стену в припадке ярости до тех пор, пока я, полностью измотанный, не падаю на пол. Какая же это была недолгая и не очень-то яркая жизнь.

Так я лежу пару часов, пока дверь не открывается вновь. «Чертов дреу», «тут тебе и место», – слышатся голоса стражников. Заинтересованный переполохом, я поворачиваюсь к ним и вижу, как двое стражников ведут в камеру напротив какого-то эльфа с тёмно-серой кожей и серебряными волосами. В тусклом свете свечи появляется лицо стражника со шрамом на переносице.

– Радуйся, каменнорукий недомерок, – фыркает он. – У тебя появился сосед.

Глава 3. Из плена бежавшего

Оглушительный треск пронёсся по темнице. Я стараюсь сохранять невозмутимость, погружаясь в глубокие мысли о своей судьбе. Пока он не раздаётся вновь. Да сколько можно? Сломай уже об неё ноги и прекрати шуметь! Но тёмный эльф из камеры напротив опять со всей дури пинает решётку. На этот раз ему удаётся вывести из себя не только меня. Дверь с грохотом открывается, на пороге появляется стражник. Он что-то кричит на эльфийском и закрывает дверь. И снова чёртов скрежет. Эльф до сих пор пинает решётку!

– Хватит тратить силы! Это бесполезно! – кричу я, не в силах стерпеть этот режущий слух шум. – Я тоже пытался её выбить.

– О, так ты живой! – эльф издаёт негромкий смех. – Я только сейчас начинаю её выбивать.

– А что ты делал до этого?!

Да он издевается надо мной!

– Разве это не очевидно? – говорит эльф, в очередной раз ударив ногой по железным прутьям. – Я пытался определить, где у решетки слабое место.

– И зачем тебе это?

– Стены в этой части темницы довольно шаткие, так что, если приложить достаточно усилий и ударить куда надо, решетка развалится на мелкие прутья, – ещё один удар. Решетка хоть и гулко скрипит, но всё еще остаётся целой. Тяжело вздохнув, эльф шепчет себе под нос: – Крепкая, зараза. Слушай, – кричит он мне. – Может, у тебя получится её выбить?

– Сомневаюсь, – резко отвечаю.

– Почему? – спрашивает он.

Да чтоб тебя... Я выхожу на свет, чтобы показать свой рост и телосложение, а сам разглядываю эльфа, раз уж появилась такая возможность. Левая половина его лица обезображена шрамами от ожогов, а на правой проглядываются небольшие морщины. Он должен быть очень старый эльф, однако молодой, практически юношеский голос совершенно не подходит такой внешности. Одет он в черную тканую одежду с вшитыми деталями из крепкой кожи вроде налокотников и наколенников. Длинные белые волосы лежат на его плечах, а глаза со светло-серой сверкающей в свете свечи радужкой изумленно осматривают меня с головы до пят. Его тёмно-серая кожа в тени кажется практически черной. Неудивительно, что этих эльфов прозвали темными.

– А как так получилось? – произносит он с львиной долей удивления.

– Я таким родился, – гневно отвечаю я.

Он определённо издевается.

– Серьезно? – ошарашенно спрашивает эльф. – Я не видел ни одного тролля, который родился с каменной рукой!

– А, ты об этом? – переспрашиваю его, приподняв правую руку.

– Конечно, я об этом! Как сильно ты можешь ею ударить?

– Достаточно, чтобы разmozжить голову огромного волка, – я мрачно подмечаю.

– Прекрасно! Попробуй ударить вот сюда, – эльф показывает на своей решетке одно из слабых мест, которое он нашел. Нехотя, я бью туда, куда он показывал, но решетка не поддается. Эльф задумчиво чешет затылок, вновь окинув взглядом мою решетку.

– Попробуй здесь, – говорит он, указав на другое место.

Размахнувшись как следует, я опускаю на решетку каменную руку. На этот раз та лишь нервно погудела какое-то время, но все еще держалась на месте.

– Я же говорил! – бурчу я. – Без толку...

– Какой «без толку»? Глянь сам, она же отошла! – негромко кричит эльф, указав мне на вылетевший прут. И как я его не заметил? – Продолжай бить! Может она и развалится.

С новым ударом часть решетки с громким шумом выскакивает из стены. Пыль плотным облаком взмывает в воздух. Дыра совсем небольшая, но для меня – как раз! Я начинаю вылезать через неё, а она – протяжно и громко скрежетать. Конечно! Созови сюда стражу со всего чёртового замка! Кажется, я уже вижу их мерзкие эльфийские рожи в дверном проёме. А не, это действительно они, стоят и изумлённо буравят меня золотыми глазами. Будь ты проклята, поганая решётка!

Эльфы бегут ко мне, выкрикивая что-то на эльфийском. Маленький пучок огня летит в мою сторону. Я машинально вскидываю каменную руку вверх, отбивая опускающийся эльфийский меч. Я тут же отпрыгиваю в сторону, чтобы избежать второго удара. Краем глаза подмечаю, как двое подходят ко мне с клинками наготове. Тусклый огонек свечи грозно отражается в лезвиях мечей. Черная тень вмиг пронесется рядом с левым стражником, и тот влетает в решетку камеры с темным эльфом. Двое, опешив, отворачиваются от меня. Всё! Лучшего шанса перейти в атаку мне уже не представится.

Я подбегаю к ближайшему стражнику и сильным ударом каменной руки по голове опрокидываю эльфа навзничь. Последний стражник несётся на меня, яростно взмахивая мечом, но тот лишь звонко отскакивает от вовремя подставленной каменной руки. Что-то бьёт меня по ноге, и я, потеряв равновесие, грузно падаю на спину. Мой удар по второму эльфу был недостаточно силен – он пришел в себя.

Третий подходит ко мне и, проговорив что-то неясное про Гирьяма, заносит для удара меч. Я хочу защититься каменной рукой, но второй стражник крепко удерживает её. Яркой молнией меч опускается на меня. В отчаянии я закрываюсь здоровой.

Громкий щелчок. Резкий скрип. Глухой удар и звон упавшего меча позади меня. Я убираю руку, чтобы посмотреть, что происходит.

Оказалось, что тёмный эльф, выхватив ключ из кармана поверженного им охранника, открыл замок. Сильным пинком распахнув дверь из своей камеры, он выбил меч из руки стражника. Выскочив из камеры, он принялся яростно колотить эльфа, не давая ему опомниться и нанести ответный удар.

Воспользовавшись суматохой, я разворачиваюсь и пинаю по голове охранника, держащего каменную руку. Как только эльф отпускает её, вскакиваю на ноги и, не давая ему подняться, принимаюсь избивать его. Он пытается защититься от моих ударов, выставив вперёд руки, но это ему не помогает. А я всё бью и бью его. Тот уже и не сопротивляется, но я не останавливаюсь, и под конец заношу каменную руку для последнего удара. Но кто-то позади меня хватает её и крепко держит в руках, не давая ей опуститься на голову стражника.

– Троль, не надо его убивать! – слышу я голос темного эльфа.

– Почему нет? Они же хотели меня убить! – раздраженно отвечаю.

– Он тоже хотел тебя убить?

– Он помогал им. Не думаю, что это что-либо меняет.

Резким движением эльф скидывает меня со стражника, отбросив на пару шагов в сторону.

– Что ты несешь?! – почти кричит он. – Ты хоть понимаешь, что мы с тобой говорим об убийстве?!

– Хорошо, благородный пленник! – в гневе ору я, поднявшись на ноги. – Ты спас это ничтожество от злого тролля. Вот только поблагодарит ли он тебя за это? Должен ли я тебе напоминать, что они посадили тебя в темницу?

– Меня посадили только из-за многовекового заблуждения, овладевшего светлыми братьями. Ты считаешь, что за это я должен каждому из них перерезать горло?

– Они тебе не братья! – кричу я. – Даже слепому очевидно, что они – твои враги. Они хотели убить меня, значит они мои враги тоже. А врагов надо уничтожать!

– Что сделало тебя таким злобным? – спрашивает он непонимающим тоном. Наверно, это всего лишь его мысль вслух, но... чёрт. Почему мне лезут в голову все ругательства и избиения, которым я подвергся в Пылистой горе? Неужели я действительно кажусь таким уродом со стороны? Сердце сжимается от одной мысли...

Ладно, возьми себя в руки. Глубокий вдох.

– Пошли. Нам еще нужно найти отсюда выход, – холодно говорю я эльфа, направившись к двери.

– Я уже бывал здесь, и не раз. Поверь мне, я прекрасно знаю, где он.

– Ты не первый раз попадаешься, что ли?

– Вообще-то первый. В этот раз что-то поменяли в расписании патруля, вот меня и заметили, – подходит он ко мне с глупой ухмылкой на лице.

Заходим в караульную, мелкую душную комнатушку. В углу лежит снаряжение темного эльфа, на стареньком разваливающемся столе, стоящему у стены. Там же вокруг тусклого фонаря разложены карты и монеты.

Я подождал, пока эльф не закрепил на поясе из темной кожи метательные ножи, вложил в ножны пару мечей с украшенными серебром лезвием и рукоятью и убрал в карман стальную флягу.

– Что у вас за помешательство на драгоценных металлах? – говорю я мысль вслух.

– Ты о серебре? – переспрашивает эльф, попутно пытаясь зафиксировать на поясе небольшую сумку из бурой крепкой кожи. – Мы очень ценим серебро, потому что это – металл, олицетворяющий нашу родоначальницу, Лефию. Наши светлые братья предпочитают золото, подчеркивая родственную связь с Райнелем. Ты можешь знать их с Лефией...

– ... как солнце и луну, я знаю! – поспешно заканчиваю я. – Ты уже закрепил её?

– Да, закрепил, – отвечает эльф, и мы немедленно двигаемся к двери.

Оттуда мы поднимаемся по лестнице в общую секцию темницы. В ней – по пять камер слева и справа, но все они пусты. Неужто эльфы совсем не совершают преступлений?

– Нет, просто эти камеры использовались для содержания военнопленных, но сейчас, как видишь, никаких войн эльфы не ведут, – поясняет эльф.

Опять я произнес мысль вслух. Развил чёртову привычку за многие месяцы одиночества. Пора бы уже научиться держать язык за зубами.

Что-то сверкнуло рядом со мной. Мягкий свет пробивается сквозь редкую листву деревьев и маленькие решетчатые окна. Еле видневшиеся сквозь листву звёзды игриво блестят на темно-синем небе. Эта картина так и зовёт на волю, насладиться прекрасной ночью, но прутья решетки возвращают меня в суровую реальность – на волю еще предстоит выбраться. Тут из-за листвы показывается луна, украшая комнату приятным белесым свечением. Эльф опускается перед ней на одно колено, склонив голову. Он произносит что-то на эльфийском, после чего замечает на себе мой недоумённый взгляд.

– Я попросил нашу Матерь, чтобы она помогла нам отсюда выбраться, – объясняет он.

– И чем же луна может нам помочь? – спрашиваю недоверчиво.

– К примеру, она может сделать меня достаточно сильным, чтобы мы могли отбиться от проснувшейся стражи. Еще она может усыпить тех, кто до сих пор не спит.

– И что, она действительно помогает тебе?

– Постоянно, – улыбается эльф.

– Тогда почему луна не помешала эльфам бросить тебя за решетку? – иронично подмечаю я.

– Не знаю, – признаётся он. – Но ты сидел в камере напротив и помог мне выбраться.

– Значит, луна виновата в моем заточении? – кричу я, всплыв. – Выходит, это она посадила меня, чтобы я однажды спас твою задницу?

Эльф заливается смехом и идёт к тяжелой деревянной двери, так и не ответив на мои вопросы.

Мы входим в очередную караулку, в которой обнаруживаем лишь спящего за столиком стражника, от которого несёт крепким вином. И у них так каждый день? Напиваются вдрызг на посту и в картишки гоняют? Да я и не против. Сбегать от таких увальней в разы проще. Миновав еще одну дверь, мы оказываемся в просторной галерее. По ней пробегаем добрую половину эльфийского замка.

Мы выходим в холл, большой зал с огромной лестницей посередине, которая потом разделяется на две. В центре лестницы стоит небольшой фонтан, а наверху висит люстра с незажженными свечами. На стенах горят светильники, а между ними находятся статуи эльфийских солдат. По бокам от центральной лестницы стоят два настоящих солдата. Эльф осторожно подкрадывается к ним и, к моему ужасу, заглядывает одному из них под шлем. С легкой улыбкой, он быстрым взмахом двух пальцев подзывает меня к себе. Я потихоньку выхожу из укрытия и смотрю на стражника. Оказалось, что этот чурбан умеет спать стоя. Мы аккуратно поднимаемся по лестнице и сворачиваем налево.

– Я же тебе говорил! Мать мне постоянно помогает! – победно шепчет эльф.

– Просто повезло, – ворчу себе под нос. Эльф отвечает коротким смешком.

Мы с эльфом минуем серию маленьких коридоров. Стражники попадаются исключительно редко, да и то большая часть из них спит, а мимо остальных мы спокойно прокрадываемся.

Наконец, мы поднимаемся в дальнюю часть замка, которую сторожит лишь один охранник, на этот раз бодрствующий. Эльф суёт руку в кармашек и достаёт бронзовую монетку с изображённой на ней головой дракона, кидает её в конец коридора. Стражник оборачивается на звук и в следующую секунду его хватает эльф. Рукой он сдавливая стражнику шею, пока тот не теряет сознание. На секунду заглянув за дверь, эльф говорит мне:

– Мы на месте. Я войду туда и постараюсь добыть ключ от выхода. Смотри в оба и постучи, если рядом будут солдаты.

Я киваю ему в ответ, эльф аккуратно заходит в комнату.

Проходит минута. У меня закрадываются сомнения по поводу доверия этому эльфу. В конце концов, вдруг он решил сбегать без меня? Вдруг он прямо сейчас готовится поднять тревогу и, пока стражники будут разбираться со мной, сам сможет без проблем покинуть замок? Слова Гирьяма звучат в голове: «Мой тебе совет, Хорднек, если увидишь эльфа, чья кожа черна, как ночь, а волосы белы, как снег, беги от него как можно дальше. От них нельзя ждать ничего хорошего». Пусть эти слова и сказал тот, кто пару часов назад приговорил меня к смерти, но в них всё равно есть смысл: если до сих пор я старался никому не доверять, то с чего вдруг начинаю сейчас?

В итоге, я решаюсь зайти в дверь. За ней обнаруживаю просторное помещение, у стен которой стоят шкафы, наполненные книгами и свитками, в камине напротив догорает слабый огонек. Над ним висит портрет величественного бородатого эльфа в короне. За окнами слева и справа от него виднеются звезды, луна и верхушки деревьев. В центре комнаты на огромном ковре находится столик, заставленный книгами. Рядом с ним стоят два красивых резных стула. Справа от меня – приоткрытая дверь, ведущая в спальню. Оттуда доносятся голоса, один из которых принадлежит эльфу. Я немедленно врываюсь туда.

Вот я в совсем маленьких, но очень красочно обставленных покоях. На роскошной кровати, спиной ко мне, сидит темный эльф, а рядом с ним лежит светлая эльфийка. Она одета в белое полупрозрачное ночное платье с позолоченным узором в форме опадающих листьев. Наверное, люди сказали бы, что она была чарующе красивой, но мне её внешность кажется неестественной. У неё узкое лицо, которое украшают тонкие полоски розовых губ и махонький прямой носик. Темный эльф о чём-то с ней треплется, поглаживая растрёпанные золотые

волосы. Завидев меня, она что-то шепчет ему, и тот поворачивается. К моему удивлению, это совсем не тот эльф, который сидел со мной в темнице. Его лицо совершенно другое, оно – юношеское. Ни шрамов, ни морщин. Выходит, меня держали за дурака с самого начала!

– «Смотри в оба, Хорднек. Постучи, если кто-то придет!» Надо было сразу догадаться, что здесь что-то не так! – едва не кричу я от злости.

– Хорднек, выслушай меня, пожалуйста, – оправдывается эльф, вскочив с кровати.

– Хватит с меня твоих слов, остроухий лжец!

Эльфийка настороженно спрашивает что-то у эльфа на непонятном мне языке. Тот жестом показывает ей, чтобы она не беспокоилась.

– Признаюсь, я тебе не рассказал тебе истину. Но ты должен меня понять! Я не могу её раскрыть.

– Должен?! – срываюсь на крик. – Да разве я тебе хоть что-то должен? Я тебе больше скажу: это ты мне должен! Не забывай, кто помог тебе выбраться из тюрьмы.

Лицо эльфийки принимает изумлённый вид.

– О, так она этого не знала? А ты кто такая? – обращаюсь я к ней.

– Я – Элебра, дочь короля Банирэна, – грозно отвечает эльфийка, вставая с кровати. – Кто бы ты ни был, тролль, приказываю тебе покинуть мою спальню! – в её золотых глазах играет пламя ярости.

– Не смей мне приказывать, златовласая дрянь! – свирепо рычу я. Рядом с руками Элеоры вспыхивают два пучка огня. Я тоже начинаю готовиться к битве, но эльф встаёт между нами. Он хватается Элеору за руки, наклоняется к её уху. После его слов пламя у её рук исчезает.

– Ладно, Хорднек, я расскажу тебе всю правду, – говорит он, повернувшись ко мне. – Меня зовут Валиас. Я – старший сын королевы Сидмин. Долгое время я тайно встречаюсь с Элеорой, потому что наши народы не одобряют подобную связь. Она – свет моих очей и пламя моей жизни, – после этих слов эльф обращает свой взгляд на возлюбленную, та улыбается ему в ответ. Я чувствую, как от такой приторной картины ком подступает к горлу и меня тянет блевать.

– Думаешь, мне это интересно? – раздражённо спрашиваю я. – Я уйду сейчас же, с тобой или без тебя. Если меня поймут, будь уверен, я раскрою твою маленькую интрижку, так что лучше тебе пойти со мной, – от моих слов Элеора опять едва не вспыхивает от злости, но Валиас хватается её за плечи, вновь успокоив.

– Хорошо, Хорднек, – вздыхает он. – Пусть будет по-твоему. Проведи нас к потайному ходу, дорогая, – обращается он к Элеоре. Та кивает в ответ и выходит из спальни, бросив на меня быстрый озлобленный взгляд. Мы с Валиасом идём за ней следом.

Она приводит нас в библиотеку, просторную двухэтажную комнату, заставленную плотными шеренгами шкафов, битком набитых книгами. Её ярко освещает несколько светильников и камин напротив двери. Элеора подходит к нему. По бокам от него висят два потушенных светильника. Она дёргает левый. Раздаётся громкий щелчок, огонь быстро гаснет, а стенка в камине с глухим шорохом движется в сторону, открывая скрытый проход. Я лезу в камин первым. Валиас шепчет что-то Элеоре на прощание, целует её и лезет следом за мной.

Ход потихоньку увеличивается в размере, пока, наконец, не становится достаточно высоким, чтобы мы могли нормально идти по нему. Так мы оказываемся в широком подземном туннеле, который выводит нас далеко за пределы эльфийского города. Выйдя наружу, Валиас полной грудью вдыхает свежий от недавнего дождя воздух и призывает меня к тому же.

– Ты наконец-то на свободе. Радуйся! – говорит эльф. – Не все же время на меня злиться.

Но я не обращаю на него внимания. Я тщательно вслушиваюсь в тишину вокруг нас.

– Мы еще не сбежали. В этих лесах много рейнджеров, и они запросто могут нас поймать.

– Да, они стали хитрее с тех пор, как я был здесь в последний раз. Но, честно говоря, в том, что меня поймали виноват я сам. Следовало осторожнее подходить к стенам замка. Думаю, если мы будем достаточно тихими, то сможем без проблем выбраться из этих лесов.

– Хорошо, тогда выведи нас отсюда. Я дам тебе знать, если завяжу что-либо подозрительное.

Поскорее бы покинуть это треклятое место. Никогда прежде лес не казался мне таким опасным. Осознание того, что мы окружены прячущимися в тених рейнджерами, которых я не могу ни увидеть, ни услышать, сильнейшим грузом давит на меня. Каждый чертов звук играет на нервах – уханье сов, шелест листьев и бегающих среди кустов маленьких зверьков. Я изредка поглядываю под кроны деревьев, пытаюсь разглядеть в листве спрятавшихся эльфов. Напряжение сводит с ума. Мне в голову приходят слова старейшин, когда они рассказывали нам об эльфах. Они говорили, что эльфийский слух куда острее нашего, но зато мы лучше их ориентируемся в кромешной тьме. К счастью, это касается только светлых эльфов. У темных эльфов глаза будут зорче, чем у троллей, привыкших к жизни в пещерах. Вспомнив это, я нервно шепчу Валиасу:

– Следи внимательнее за кронами деревьев. Уверен, они...

Эльф мягко опускает руку мне на плечо. На его лице сияет добродушная улыбка, словно он говорит: «Не волнуйся. У меня всё схвачено». Ха! Как же... впрочем, если уж он не видит эльфов на деревьях, может, их там действительно нет.

Мы продолжаем пробираться через лес, пока эльф не останавливается на опушке. Он оборачивается ко мне и кратким жестом показывает, что видит наверху какое-то движение. Я приглядываюсь и замечаю темный силуэт прямо под кроной дерева.

– Я полезу наверх, а ты попробуй его отвлечь, когда я подам сигнал, – шепчет Валиас. Я киваю в ответ. Валиас подходит к стволу и начинает осторожно карабкаться вверх. Вскоре он замахал рукой. Получив его сигнал, я поднимаю камень и кидаю его в силуэт, но камень лишь слабо ударяется об ствол. Эльф даже не пошевелился. Тогда я пробую еще раз. И еще. И еще. Устав от тщетных попыток привлечь внимание рейнджера, я просто кричу:

– Эй, наверху! Уснул, что ли?

В ответ раздаётся растерянное «что?», и под кроной появляется второй силуэт, который хватается первый. До меня доносятся голоса, говорящие «кто это сказал?», «что произошло?». Да чтоб тебя! Я привлек внимание слишком многих эльфов. Меня быстро окружают три рейнджера, каждый из которых держит меня на прицеле.

– Что ты здесь делаешь, гоблин? – спрашивает один из рейнджеров.

– Раскройте глаза, олухи, – отвечаю я. – Перед вами самый настоящий тролль!

– Что-то мелковат ты для тролля, – все начинают смеяться, включая меня. Эльфы потуже затягивают тетиву и первый произносит:

– Ты пойдешь с нами, тролль.

– Интересно, как вы собираетесь меня куда-то вести, если скоро все вы будете лежать на земле?

– О чем ты... – тут в руку эльфа вонзается стрела. Остальные рейнджеры замешкались от неожиданности, чем я и воспользовался, сократив расстояние и ударив одного из эльфов в торс каменной рукой. Отскочив, тот обнажает клинки и летит прямо на меня. Остальные в это время прячутся за стволы и камни, откуда принимаются обстреливать Валиаса. Я же продолжаю биться с эльфом, отражая атаки одну за другой. Вижу, как ещё два рейнджера бегут на подмогу. Втроём они пытаются окружить меня. Не дожидаясь их атаки, я бегу к ближайшему эльфу и с разворота бью его каменной рукой по голове. К счастью, тот промедлил. Он упал на землю и лежал там до конца сражения.

Ноги увязают в чавкающей грязи. Очередной рейнджер кидается на меня, но я, припав к земле, поддеваю эльфа здоровой рукой и перекидываю через себя. Тот улетает в кусты, где,

ударившись головой о скрытый в листве пенек, теряет сознание. Один из лучников, обстреливавших Валиаса отбрасывает лук и, напав со спины, хватая меня за горло, пытаюсь придушить. Я безуспешно пытаюсь разжать его хват. Третий рейнджер направляется ко мне, оголив стальной кинжал. Вдруг эльф, сжимавший мою шею, заливается громким криком. Ему в голень угодила стрела. Двинув ему локтем под дых, я вырываюсь из захвата и вскидываю вперед каменную руку. Кинжал, разочарованно скрипнув, скользит по ней и уходит в сторону. Эльф резко разворачивается, перекинув кинжал из одной руки в другую и занеся его для очередной атаки. Ему в руку со свистом впивается стрела, и тот с пронзительным визгом выпускает из неё кинжал. Точным ударом по голове я вырубая крикуна.

Что-то сильно бьёт мне в голову. Звон в ушах. Развернувшись, я пытаюсь защитить своё лицо от следующего тумака. Эльфийский кулак пробивает мою слабую защиту, опрокинув лицом прямо в липкую грязь. Следом идёт мощный пинок, выбивший моё дыхание. Краем глаза я вижу, как эльф занёс руку для очередного удара и как в неё со звонким свистом попадает стрела. Развернувшись, я подсекаю эльфа и отвешиваю ему пинка в голову, выведя из строя.

Стоит мне только подняться на ноги, как последний эльф подбегает сзади и вгоняет в меня кинжал по рукоять. Острая боль пронзает мой бок. Эльф наносит мне еще три быстрых удара, прежде, чем я отгоняю его, попытавшись заехать ему локтем по морде. Он легко отскакивает от медленного удара. В его правой руке сверкает кинжал, с которого капает густая тёмная кровь. Я припадаю к земле от боли. Подскочив ко мне, рейнджер замахивается кинжалом, надеясь воткнуть его мне в голову, но я успеваю вскинуть здоровую руку. Холодная сталь проходит сквозь ладонь, окропив моё лицо кровью. Эльф резко выдёргивает кинжал, отчего я падаю в ледяную вязкую грязь.

Истекая кровью и беззвучно крича от боли, я пытаюсь подняться на колени, еле различая, что творится вокруг меня. Всё плывёт перед глазами. Одна бесформенная фигура подходит ко мне, сверкнув чем-то в воздухе, но тут на неё кидается другая, после чего они сливаются воедино. Фигуры словно танцуют какой-то призрачный танец, то разделяясь, то соединяясь. Рядом с ними сверкнула молния, быстро исчезнув во тьме. Через несколько секунд одна фигура отлетает от другой и больше не поднимается. После всё вокруг растворяется во мраке.

Очухиваюсь я в какой-то маленькой пещерке. Всё тело ноет от недавно нанесенных ран, хотя они давно уже излечились, оставив лишь едва заметные шрамы, поверх которых виднеются чёрные швы. Слева от меня светит что-то яркое. Поворачиваю голову. Завидев спящий дневной свет, я, полностью забыв о боли, в ужасе резко отползаю как можно поглубже в берлогу, наткнувшись на что-то позади себя.

– О, так ты очнулся, – раздаётся юношеский голос Валиаса из-за спины.

– Что произошло? – испуганно тараторю я, повернувшись к нему. – Куда ты меня притащил? Мы всё еще в лесу эльфов?

– Спокойнее, не всё сразу, – отвечает он, протянув мне кожаный бурдюк. Я беру бурдюк и делаю несколько глотков. От прохладной воды мне действительно стало спокойнее. – Тебе повезло, что я так быстро спустился. Этот рейнджер выпотрошил бы тебя как кролика.

– Ты его убил? – спрашиваю его, вернув бурдюк.

– Нет. Кстати, я очень сильно удивлен, что ты умудрился не убить ни одного эльфа.

А жаль.

– Конечно, у некоторых из них наверняка гудит голова, но жить будут, – говорит он, сделав глоток, после чего убирает бурдюк себе за пояс. – Я отнес тебя за пределы эльфийских владений и замёл следы, так что нас не должны найти.

– Нас?!

– Да, нас. Тебя что-то беспокоит?

– Ты же выбрался из леса! Ты мог оставить меня здесь, а сам пошел бы своей дорогой. Мог бы вообще вернуться к своей златовласой...

– Я уж думал, ты простил меня, – не даёт договорить Валиас. – Слушай, ты не представляешь, насколько сильно я рисковал, когда раскрыл тебе истину.

– Не представляю, – мрачно заключаю я. – Зато я ясно представляю, как ты меня подставил, скрыв настоящую причину подъема в ту башню.

– Я вовсе не собирался тебя подставлять. В эту башню обычно никто не поднимается. Я вышел бы из покоев Элеоры, и мы с тобой выбрались бы без каких-либо проблем. Я не думал, что это тебя настолько сильно разозлит, Нэк.

– Как ты меня назвал?! – задыхаясь от вскипающей злости, переспрашиваю его.

– Нэк. Разве тебя друзья называют по-другому? – удивленно спрашивает Валиас.

– Сначала ты меня подставляешь, а теперь пытаешься заделаться мне в друзья?!

– Позволь мне объясниться. Мой народ давно поддерживает хорошие отношения с твоим. Тролли и темные эльфы очень сильно сдружились за последние века. У нас происходит очень эффективный обмен знаниями и опытом. Тролли научили нас рецептам множества зелий, а мы, в ответ, научили их создавать отличные инструменты и продаем им полезные магические руны.

– Племя Пылистой горы не вело никаких дел с эльфами, – цежу я. – Они остерегались чужеземцев. И, думаю, не напрасно.

– Да? Но ты отлично говоришь на всеобщем, – удивляется он.

– Может, я и говорю на всеобщем, но я никогда его не изучал! Мне кажется, словно... я уже родился с умением говорить на нём, – задумчиво говорю я.

– Наверное, это твой Прошлый Опыт!

– Что?

– Прошлый Опыт. По крайней мере, так тролли Темных Скал называют умения и способности, которые сохраняются при вашей реинкарнации. То есть, в одной из своих прошлых жизней ты научился говорить на всеобщем, потом умер и переродился, сохранив это умение. По легенде, Тенрид наделил вас этим умением, чтобы, единожды получив боевой опыт, вы не теряли его после возрождения.

– И как мне узнать, какие еще умения перешли ко мне из прошлой жизни?

– Никак, – пожимает плечами Валиас. – Вы просто... обнаруживаете их.

Есть над чем задуматься. Что еще я умел в прошлой жизни? Определенно не подкрадываться или воровать и тем более не выживать в дикой природе. Всё это мне пришлось изучать с нуля. Самому. Без какого-либо Прошлого Опыта.

– Слушай, – говорит Валиас. – Мне очень жаль, что всё так вышло. Ты зол на меня и, вполне возможно, что я это заслужил. Но скажи, ты простишь меня, если я помогу исцелить твою руку?

Хм... а почему бы и нет? Конечно, Валиас попытался обмануть меня и подвергнуть опасности, но сейчас он спас меня и предлагает свою помощь. С чего бы ему так поступать? Какая ему польза от маленького тролля с окаменевшей рукой? Я пытался перебрать все возможные варианты в голове, но их у меня не было. Неужели он действительно сожалеет о том, что случилось?

Нет, это должна быть какая-то уловка. На Вэйхтене никто ничего не делает просто так. Но, с другой стороны, какие у меня альтернативы? Конечно, я могу отказаться от его предложения и пойти куда глаза глядят, но что дальше? Вернуться в дикую природу без малейшей возможности добыть себе пропитание? Опять есть корешки? И сколько меня на это хватит? Неделю? Месяц? Два?

А что если эльфы догонят меня? Что если я вновь столкнусь с драконом? Слишком много неприятных исходов. Если подумать, Валиас совсем не похож на надменных светлых эльфов. Он действительно выходит для меня наименее худшим вариантом.

– Как ты собираешься мне помочь? – спрашиваю его.

– Я могу привести тебя к моему наставнику в Элбониме, – отвечает он. – Он уже давно работает с троллями, так что он должен знать ответ. Кроме того, вдруг он сможет подсказать что-нибудь насчёт Прошлого Опыта?

– Хорошо, эльф, – вздыхаю. – Хуже мне точно не станет.

Глава 4. В городе тёмных эльфов

После нескольких безынтересных ночей, мы приходим к Сумеречному лесу. Всю дорогу я пытался выпросить у Валиаса:

– Почему лес называют Сумеречным?

– Ты сам скоро поймёшь, – расплывчато отвечал он.

И он был прав, я действительно понял.

Нас окружают многочисленные ряды высоких деревьев с темно-бурыми стволами и практически черной листвой, настолько густой и плотной, что через неё совсем не проходит солнечный свет. Долгое время мы идём по лесу в крошечной тьме, пока мне в глаза не бьёт мягкий белый свет, исходящий сверху. Под кронами деревьев висят светящиеся округлые плоды, похожие на маленькие кусочки луны, упавшие с неба и застрявшие в плотной листве чёрных деревьев.

– Потому мы их и называем «лунными плодами», – поясняет эльф. – Легенда гласит, что давным-давно Матерь создала этот лес, чтобы наша раса могла жить под его мрачными кронами. В те времена мы ещё были поражены Тьмой, от которой она нас впоследствии очистила. Но, несмотря на все её усилия, мы всё ещё носим бремя созданий Тьмы, – произносит он, печально глянув на свои руки. – Солнечный свет забирает наши силы, а лунный – придает. Эти плоды вбирают в себя лунный свет и отдают его нам. Каждый из нас носит с собой флягу с соком лунных плодов. Он тоже придает мне сил, позволяя путешествовать по земле посреди дня, – говорит он, достав стальную флягу с выгравированной на ней лунной и двумя сидящими волками, сторожащими её.

– И надолго тебе его хватает? – интересуюсь я. – Рано или поздно сок закончится, а, чтобы пополнить его запасы, нужно идти сюда.

– Даже одной фляги хватает на очень долгие путешествия, – отвечает он, убрав флягу. – Кроме того, Элоним – далеко не единственный Сумеречный лес.

– То есть, Элоним – это название леса? Мне казалось, что ты говорил о каком-то городе.

– Всё верно. И лес, и город носят одно название, – поясняет Валиас и, усмехнувшись, добавляет: – Честно говоря, мне всегда казалось забавным, что слово «элоним» на языке древних означает «первый»...

– ...поэтому выходит, что тёмные эльфы назвали свой первый город «Первым», – заканчиваю я мысль эльфа с непроизвольным смешком.

Из тьмы звучит чей-то голос. Рука Валиаса опускается на моё плечо, вынудив меня остановиться. Выпрыгнув из листвы, к нам по стволу дерева съезжает темный эльф-рейнджер, чья одежда практически совпадает с той, в которую был одет Валиас. Они перекидываются парой слов, после чего рейнджер что-то громко кричит в лес и, получив ответный возглас, показывает жестом, чтобы мы проходили дальше, в знак приветствия положив руку на плечо Валиасу. Валиас приветствует его в ответ, и мы трогаемся с места.

– Он дал знать остальным, что я вернулся, и чтобы они нас пропустили. Когда мы с тобой придем, мне придется зайти к моей матери. Если хочешь, я скажу тебе, как добраться до моего наставника.

– Думаю, будет лучше, если я пойду с тобой, – отвечаю я. Не хочется блуждать в незнакомом месте одному.

Скоро из лесной чащи показываются дома Элонима. К моему удивлению, деревьев в городе ничуть не меньше, чем за его пределами. Некоторые настолько плотно прилегают к стенам каменных зданий, что создаётся впечатление, будто они обнимают их стволами. Яркоголубое свечение освещает улицы города. Его источают зачарованные камни, вставленные в прикрепленные к домам светильники. До моих ушей доносится хлопанье крыльев, мелкая

ть резво пролетает над моей головой. Два желтых глаза пристально следят за мной из темноты. От этого взгляда у меня мурашки пробежали по спине, но теперь, когда я чётко вижу чёртового филина, самообладание вновь возвращается ко мне. Вообще, не одними совами богат Элоним. Кроме них, здесь полно кошек, которые лазают с ветки на ветку в окна домов прямо в руки к своим хозяевам.

Мы выходим на центральную площадь Элонима, вымощенную чуть выпуклой треугольной плиткой. На каждом из её шести углов растёт высоченное дерево, тянущееся к кронам остальных, которые сходились над центром площади. Под ними находится громадная статуя женщины. Она сидит на постаменте, согнув колени, припустив голову и сведя руки у своей груди. Женщина одета в легкое платье, из рукавов которого течёт вода, как и вокруг платформы, на которой она сидит. Из-под её свободных волос не торчат острые эльфийские уши. Получается, что это – статуя Лефии. Вокруг фонтана устроились торговцы. Одни продают мясо или овощи, другие – магические руны и обереги.

Рядом с площадью стоит множество зданий, но особенно выделяется огромная расположенная за статуей крепость. Это – ратуша города и дом королевской семьи. Её фасадные колонны имеют вид женских статуй, державших в прижатых к груди руках светящиеся камни. Здание украшают огромные механические часы с циферблатом, похожим на месяц, и стрелками, чьи наконечники раздвоены и винтообразно закручены вокруг друг друга. Что-то подсказывает мне, что часы установлены не менее ста лет назад. Мы уже собрались пойти в сторону дворца, как раздался пронзительный девичий крик.

Мы повернулись на него и увидели, как к нам бежит молодая темная эльфийка, одетая в темно-синюю мантию, на которой сверкают серебристые узоры, выдававшие её принадлежность к знатной семье. Она очень похожа на Валиаса: такой же высокий лоб, немного выпирающие скулы, аккуратный нос, узкая полоска бровей и заостренный подбородок. Её серебристые глаза, обращенные к нему, натурально светятся от счастья. Валиас заключает её в объятия. Они перекидываются несколькими словами на своём родном, после чего оба поворачиваются ко мне.

– Вилерин, это – Хорднек, – представляет меня Валиас на общем. – Хорднек, это – моя младшая сестра Вилерин.

– Приятно познакомиться, – улыбнувшись, говорит Вилерин.

– Сомневаюсь, – ворчу я.

Они бросают друг другу несколько фраз на эльфийском, оставляя меня в неведении, о чем говорят. Могу только предположить, что она интересовалась, почему я такой невежа, а вот что ей ответил Валиас, сказать не могу. Наконец, Валиас спрашивает её о чём-то, Вилерин кивает, произнеся короткое слово.

– Слушай, Хорднек, – обращается ко мне Валиас. – Боюсь, что я могу сильно задержаться у матери, поэтому, может быть, тебе стоит пойти с Вилерин? Она как раз шла в гильдию, и она согласилась привести тебя к Келеромину.

– Ладно, – с легким раздражением говорю я. Не люблю неожиданности, но иногда приходится с ними считаться.

Сказав несколько неясных слов, Валиас целует сестру в щечку, прощается со мной и быстро удаляется.

– Следуй за мной, – подзывает Вилерин, махнув мне рукой. Без лишних вопросов, я иду за ней.

Всю дорогу Вилерин расспрашивает меня, откуда я родом и как получил каменную руку. Когда она уже замолчит? Я не в том настроении, чтобы попусту болтать. Приходится отделяться короткими фразами.

– Как вы с моим братом познакомились? – спрашивает она. Как бы ответить на этот вопрос помягче?.. Тут Вилерин облегчает мне задачу: – Наверняка, мой брат попал в какую-то передрагу, а ты его вытащил из неё. Ведь так? – выдаёт она с легкой улыбкой на лице.

– Можно и так сказать, – полушепотом говорю я.

– Я и не ожидала услышать другого ответа, – бодро отвечает она.

– Почему? – машинально роняю я и сразу хватаюсь за голову. Попался! Она *хотела*, чтобы я задал этот вопрос. Теперь от разговора с ней не отвертеться.

– Он всегда был таким, сколько я его помню, – говорит она ласковым тоном со всё той же легкой улыбкой. – Рыцарем без страха и упрека, сошедшим со страниц старых легенд. Он постоянно долго странствует по свету, а потом возвращается и рассказывает мне о тех восхитительных землях, которые посещал. О, Мать, как же я хочу однажды оказаться в тех поразительных местах!

– Не стоит, там тебя ждёт одно разочарование, – мрачно замечая я. – Мир вокруг нас – это беспощадное место, в котором каждый день приходится бороться за своё существование.

– Да, жить в нем, порой, бывает непросто, но не стоит делать из мухи слона.

– Как же, – фыркаю я, взглянув на окаменевшую руку.

– Вот мы и пришли! – восклицает она. Услышав её возглас, я быстро отрываю взгляд от руки.

Здание гильдии, к моему удивлению, оказывается совсем маленьким каменным строением. Фасад украшают четыре статуи, похоже, изображавшие величайших магов Элонима. А может, основателей гильдии...

Да хоть просто четырех случайно пойманных на улице эльфов! Не важно! Пора идти!

– Гильдии магов есть во всех крупных городах, и наш не стал исключением, – поясняет Вилерин. – К сожалению, наши маги не обладают таким же влиянием, как остальные маги Вэйхтена.

– Должно быть, из-за предрассудков по отношению к вашей расе, – бормочу я.

– На самом деле нет. Всё дело в том, что мы практикуем Магию Тьмы, которую в остальном мире боятся использовать. Их не волнует, что область изучения темной магии у нас строго ограничена, и мы используем лишь те познания, которые нам жизненно необходимы. Возможно, тыознакомишься с одним из применений этих знаний. Уверена, тебе это понравится.

Наконец-то мы входим внутрь, и... Духи... Моего удивления не передать. Это здание намного больше изнутри. Весь секрет маленького размера зданий гильдий магов темных эльфов кроется в том, что они не растут ввысь, а уходят вглубь. Миновав крохотный холл, мы спускаемся по широкой лестнице в большой зал, полный народа. Зал освещается многочисленными светящимися камнями на стенах, красившими обыденно-серые стены голубоватым свечением.

Еще больше меня удивляет то, что кроме темных эльфов в гильдии немало троллей. На коже троллей нанесены ритуальные рисунки, на шеях и руках висят амулеты и обереги из костей животных. Шаманы. Валиас вскользь упоминал о сотрудничестве темных эльфов с троллями, но я даже не представлял, насколько тесным оно могло быть.

Больше троллей моё внимание привлекла лишь огромная фреска на стене напротив лестницы. На ней изображены важные события из истории темных эльфов. Была ли это история всей их расы или только магов, не знаю. Тщательно изучая рисунок, я постепенно отхожу к её левой части, где вижу, наверно, самое интересное. На левой части фрески изображён луг, где на коленях сидит прекрасная женщина с лазурными волосами в серебристом платье, излучающая белый свет. На правой же части – Сумеречный лес и темные эльфы, от которых исходит черный дым.

– Очищение... – задумчиво проговаривает Вилерин. – Самое важное событие за всю нашу историю. Это – Лефия, Матерь темных эльфов. Она пожертвовала собственной сущностью, чтобы избавить наш народ от Тьмы. Рядом с ней стоит её брат, Шеосхот...

Подожди, какой брат? Тщательно всматриваюсь во фреску. Ах вот он где! Я поначалу перепутал этого белого дракона с облаком. Что она говорила? Брат? Не вижу сходства... Если подумать, этот «брат» даже не похож на дракона. Мне пришлось снова вспомнить Мортифера и... никакого сходства. Шеосхот намного длиннее и значительно более худой. У него длинные усы, как у сомов, белёсые бакенбарды и два прямых рога на голове, между которыми растёт седая грива, тянущаяся вплоть до его хвоста. Кто так рисует дракона? Оторвать бы художнику руки!

– Он был наставником нашего народа, – продолжает она. – Именно он обучил нас магии. Многие столетия он пытался сдружить нас с остальными расами Вэйхтена, но, несмотря на все его старания, отношение к нам до сих пор осталось недоброжелательным, но хоть не враждебным.

– Как так вышло, что её брат превратился в дракона? – спрашиваю я, когда мне представился шанс.

– Превратился? Он всегда был драконом, – пожав плечами, отвечает она, к моему пущему удивлению. Придётся смириться с этим фактом.

– Тебе не кажется его изображение... неправильным?

– Нет, с чего бы... – удивляется Вилерин. Вскоре её осенило: – А, я поняла. Да, он не похож на тех драконов, о которых ты, должно быть, слышал.

Что же... это многое объясняет. Но один вопрос всё ещё не даёт покоя...

– Но ведь драконов в последнее время никто не видел. Выходит, и его тоже? – спрашиваю я. Вилерин молча кивает в ответ, и я продолжаю: – Что с ним стало?

– Никто не знает, – вздыхает она. – После победы в Последней Войне Возмездия, он и прочие драконы улетели, но никто не знает куда. Говорят, что они просто... растворились в воздухе. Мне думается, что у Шеосхота была весома причина, чтобы исчезнуть вместе с остальными драконами.

– Возможно, – заключаю я. – Пойдем уже к этому магу.

Некоторое время мы спускаемся по широкой винтовой лестнице. Маги и тролли семят по ней кто вверх, кто вниз. Пару раз меня чуть не сбивают с ног вечно спешащие куда-то эльфы.

– Не слишком ли сложно было строить здание вглубь земли? – интересуюсь я.

– Не слишком, если заручиться помощью магов земли, – усмехается Вилерин.

Мы идём по недлинному коридору и входим в просторный кабинет Верховного Мага, обставленный шкафами, которые забиты различными свитками, книгами и руническими каменными скрижалями. Напротив двери стоит заваленный свитками и стопками книг письменный стол. Отвратный запах бьёт мне в нос. Он исходит от свечей, расставленных вокруг медитирующего темного эльфа в темно-синей мантии с пурпурным поясом. На лице эльфа в свете свеч блестит длинная узкая серебряная борода. Его волосы конским хвостом висят за спиной. Он сидит на плите с руническими изображениями, которые светятся красным.

– Маги постоянно совершенствуют свои навыки в использовании различных видов магии, – поясняет Вилерин. – Сейчас учитель укрепляет свою связь со стихией огня.

Она подходит к маленькому колокольчику, висящему неподалеку от двери, и трижды дёргает за его шнурок. Алые руны тут же гаснут, маг открывает глаза и поворачивается к нам.

– Приветствую Вас, учитель, – говорит Вилерин, приложив кулак правой руки к левому плечу и поклонившись ему. Маг тоже отвечает легким поклоном. – Я привела к Вам тролля по имени Хорднек. Ему нужна Ваша помощь.

Эльф пристально осматривает меня с ног до головы, задержав взор на каменной руке. От сверлящего взгляда его глаз по коже пробегает холодок.

– Подойди ко мне, тролль, – звучит старческий голос мага.

Неровным шагом я подхожу к нему, стараясь не заглядывать в глаза, и сажусь, протянув каменную руку. Маг берёт её и проводит по ней пальцами. Я обнаруживаю, что его ладони испещрены многочисленными и крайне загадочными шрамами. Никогда прежде не видел ничего подобного. Эти шрамы не похожи на следы от ожогов или порезов. Нет, они похожи на маленькие выемки. Выглядит так, словно его кожа в этих местах просто... исчезла, а после заросла.

Духи, как же воняют дурацкие свечи. К чёрту, спрошу его:

– Нельзя ли их погасить?

Эльф молча переводит взгляд прямо мне в глаза, отчего мне вновь становится неудобно, но в этот раз я решаю бросить вызов неудобству и заглянуть вглубь серебряных глаз темного эльфа. Но он продолжает смотреть спокойным и рассудительным взором, не моргая и не отводя глаза. Кажется, словно он смотрит не в зрачки, а в самую мою душу. Как же жутко становится от этого взгляда, но я не дам ему победить!

Слава Духам, он опустил глаза. Больше не буду задавать ему вопросы.

Закончив осмотр, маг закрывает глаза и приподнимает ладонь над каменной рукой. Руны вокруг него загораются тускловатым зеленым светом, а неприятный запах благовоний сменяется на другой, более терпимый. У меня возникает приятное ощущение в тех местах, над которыми маг проводит своей ладонью, будто это место протирают чем-то теплым и шелковистым. Маг потихоньку опускает ладонь к окаменевшей плоти.

И тут началось. Сотни огненных пик словно пронзают мою руку и раздвигаются, перемалывая в труху все кости и выжигая плоть. Не в силах сдержаться, я кричу от боли, отчаянно вырываясь из хватки мага, но тот ещё крепче удерживает мою руку. Боль всё усиливается, мир вокруг расплывается. Я пытаюсь ударить мага, хоть и не могу его даже разглядеть. Звучит глухой женский крик, меня хватают две тонкие ручонки и стараются изо всех сил удержать на месте. Отчаявшись, я совершаю последний рывок. Мне удаётся оттолкнуть от себя мага и освободиться из захвата. Бросаюсь со всех ног к двери. Вернее, туда, где должна быть дверь. Ноги слабеют, не чувствую пола. Я словно хожу по вязкому пуху, если таковой бывает. Рука по-прежнему горит и разрывается на части. Боль и не думает утихать. Кое-как мне удаётся нащупать ручку на стене. Я резко дёргаю её на себя. В тот же миг образуется чёрная дыра, в которую я поспешно забегаяю.

Прочь! Прочь из этого места! Прочь от этих темных эльфов и их чёртовой помощи!

Я пытаюсь подняться вверх по лестнице, хоть и не могу различить, где находится верх, а где низ. Пол мгновенно проваливается подо мной, и я кубарем падаю в темноту. Тело бьётся, словно лодка в бешеный шторм. Так бы и падал целую вечность, но меня хватают две крепкие руки. Они поднимают меня, словно пушинку. Перед глазами появляется лицо тролля-шамана. Он пытается задавать вопросы, но мой разум отказывается их воспринимать. Дело не в разнице языков, ведь я вообще не понимаю, что же, демоновы потроха, творится вокруг. Голова кружится, я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Тролль кладёт меня на пол, и, вынув из-за пояса колбочку, подносит её к моему носу.

Терпкий запах вмиг ошпаривает нос. Он натурально горит изнутри. Тщательно растираю его, стараясь избавиться от остатков той гадости, которую мне подсунул этот шаман. В этот момент всё вокруг проясняется, да и боль в руке утихает.

– Что... что это было? – шиплю я, всё еще проглатывая слова.

– Настойка огненной травы. Сразу ставит голову на место, – звучит глубокий бас тролля.

Женский голос зовёт меня по имени. Нет сил, чтобы повернуться и посмотреть на того, кто кричит. Да и не зачем. Ясно, что это – Вилерин. Вскоре её шаги раздаются совсем неподалеку от меня, и через пару секунд она склоняется надо мной.

– С тобой всё в порядке, Хорднек? – испуганно произносит она.

– Да, – с трудом выговариваю я. – В порядке...

– Вы его знаете, госпожа Вилерин? – спрашивает тролль.

– Здравствуй, Синови, – говорит она, узнав тролля. – Это друг моего брата. Спасибо, что привел его в себя.

– Не стоит благодарностей, госпожа, – низко кланяется шаман. – Что с ним случилось?

– Долго рассказывать. Идти сможешь? – обращается ко мне Вилерин. Попытаюсь подняться на ноги. Падаю. Чёрт побери! – Можешь помочь? – говорит она шаману.

– Куда его отвести? – спрашивает шаман, подняв меня на ноги и оперев о себя.

– В кабинет Келеромина. Спасибо тебе большое.

Были бы у меня силы, я бы начал упорствовать, но сейчас их хватает лишь на вялое бормотание.

И снова я в проклятом кабинете. Хотя я и могу уже твердо стоять на ногах, но всё равно сажусь на первый попавшийся стул. Шаман уж собирается со всеми попрощаться, но маг подзывает его:

– Синови, прошу тебя, останься. Нам могут пригодиться твои советы.

Он подходит ко мне поближе и опять пытается взять мою руку, но я её одёргиваю.

– Не смей прикасаться к ней, – рычу я.

– Я не собираюсь причинять тебе боль, – спокойно говорит маг. – Я лишь хочу осмотреть её. Так я могу лучше разобраться в том, что произошло, и скорее понять, как можно тебя вылечить.

Ударить бы его, но... я ведь сам на это подписался. С тяжелым вздохом я вновь протягиваю каменную руку магу, сказав:

– Только не делай... то, что ты делал минуту назад.

– Не буду, – отвечает маг, тщательно осматривая мою руку. – Твое ранение изумительно, Хорднек. Думаю, ты первый, кто получил частичное окаменение. Я прав, Синови?

– Безусловно, Верховный Маг, – говорит шаман. – За всю историю нашего племени мы не знали ни одного тролля с подобным увечьем.

– Все мы знаем, как тролли появляются на свет, как магия Источника создает вас и как солнечный свет её рассеивает. Поэтому первым делом я проверил потоки твоей жизненной энергии. Я ощутил мощную нестабильность в твоей ауре, и начал искать её источник, – маг кладёт свой палец туда, где плоть переходила в камень. – Здесь я обнаружил огромный провал. Я хотел понять, насколько он глубокий, но ты выдернул у меня руку. Пока что могу сказать одно: у тебя, Хорднек, сильнейшее магическое ранение, которое никогда не заживет само по себе.

– Подождите, Верховный Маг, – перебивает его шаман. – Но разве этот провал не может быть просто границей ауры, если уж у него вместо руки кусок камня?

– Исключено. У меня сложилось впечатление, что в этом месте аура была грубо вырвана. Теперь там глубокая «кровоточащая» рана, которая и вызывает эту нестабильность. Не знаю точно, насколько серьезно может повлиять подобная утечка жизненной энергии, – обращается он ко мне, – но уверен, если с этим что-нибудь не сделать, однажды это может тебя убить.

– Верховный Маг! – обращается к нему шаман. – Я никогда не работал с аурой, но я точно знаю, что магия Источника крепко связана с нами, и сама по себе никогда не покинет нас... – тут он призадумывается. – Может быть, энергия и не пытается покинуть тело?

– Что ты имеешь в виду? – поворачивается к нему маг.

– У нас же есть способность к регенерации. Я думаю, что эта «утечка» на самом деле пытается восстановить руку.

– Тогда проблема решена! – восклицаю я. – Рубите руку – и дело с концом.

– Ну, и останешься без руки, – пожимает плечами шаман. – Но даже это может не решить всей проблемы.

– Но надо же что-то делать! – вскрикивает Вилерин. – Если эта магическая рана и вправду смертельна, нам нельзя оставлять его в таком положении.

Тяжелая тишина повисает в воздухе. Маг подходит к своим книгам и листает их одну за другой. Шаман тоже начинает что-то искать. Вилерин стоит рядом со мной и мягко поглаживает плечо окаменевшей руки. Обычно я не люблю, когда меня трогают, но от прикосновения её худенькой теплой руки становится легче на душе. Впрочем, я тоже не сижу без дела, а перебираю в голове все мысли по поводу того, что можно сделать с моей рукой.

Наконец, маг отходит от книжной полки, держа в руках какую-то толстую потрёпанную книгу. В янтарном свете свечи, её пожелтевшие страницы кажутся золотистыми. Худой палец мага шустро бежит по строчкам, выискивая нужные слова и предложения. Он резво пролистывает одну страницу за другой. Никак не могу понять, то ли он просто бегло просматривает страницы, то ли действительно умеет настолько быстро читать. Наконец, он отрывается от книги и говорит шаману:

– Синови, ты упоминал, что у Вас с Источником есть какая-то связь. Расскажи мне об этом поподробнее.

– Кусочек магии Источника навеки остается частичкой нашей души, – поясняет шаман. – Мы способны чувствовать его близость. Его магия подпитывает нас, делает сильнее.

– Как считаешь, может ли Источник исцелить частичное окаменение?

– Да... – задумчиво произносит он. – Это вполне возможно.

– Значит, нам нужно привести Хорднека к Источнику Темных Скал! – восклицает Вилерин.

– Боюсь, не всё так просто, – качает головой Синови. – Каждый Источник – это священное место, тщательно оберегаемое племенем троллей, которое живет под его покровительством. Моё племя откажется пускать чужого тролля к нашему Источнику вне зависимости от того, насколько это ему необходимо. Надеюсь, ты меня понимаешь? – спрашивает меня Синови, на что я молча киваю головой.

Да, это чистая правда. Даже моё племя не давало мне подходить к Источнику с самого моего рождения. Боялись, что моё несовершенство может его осквернить.

– Кроме того, велика вероятность того, что наш Источник может отвергнуть Хорднека. Одним лишь Духам известно, что бы с ним в этом случае произошло.

– Значит, Хорднеку нужно попасть к Источнику его племени и... опустить в него руку, да? – спрашивает Вилерин.

– Скорее всего, – говорит Синови, пожав плечами.

– Значит, для меня нет никаких шансов, – тяжело вздыхаю я. – Я изгнан из своего племени. Меня никогда не подпустят к Источнику. Другого способа точно нет?

– Мы даже не знаем, поможет ли тебе этот, – с сожалением говорит Синови. – Прости, Хорднек, но ты – первый тролль с частичным окаменением, и никто не знает, как исцелять подобное. Сожалею.

– На что я только надеялся... – шепотом ворчу я, поднявшись со стула и покинув кабинет.

– Мне очень жаль, что мы не смогли помочь тебе, – с досадой произносит подбежавшая ко мне Вилерин. – Давай вернемся к Валиасу, – я молча киваю в ответ.

Несколько минут спустя мы с Вилерин стоим у статуи Лефии на площади. Я молча кляню судьбу на чем только свет стоит. Выходит, чтобы исцелить руку, мне необходимо вернуться в Пылистую гору, пройти к Источнику и опустить в него руку, а после – молить Духов, чтобы это сработало. Интересно будет услышать, что скажет по этому поводу племя. Хотя, что тут гадать... не пустят они меня. Ни при каких условиях. Придется пробиваться к источнику с боем. Мне предстоит биться со всем племенем...

На самом деле, это – лишь меньшая из моих забот, ведь до Пылистой горы еще предстоит добраться, а я, честно говоря, даже и не представляю, где она может быть. Сначала у меня

были долгие скитания по лесам. Потом – блуждания по пещерам горы дракона. А еще меня поймали эльфы. А еще... Нет. У меня нет никаких шансов найти её. Мне нужен тот, кто знает путь к ней. Или карта. Или оба.

В этот момент нас с Вилерин окрикивает знакомый голос. Я отрываюсь от своих раздумий и вижу, как к нам приближается Валиас. Его лицо светится от счастья, а в руке он держит свиток с прикрепленным к нему куском воска, на котором едва заметен ангел, держащий в руках пику и щит.

– Ну что, вам удалось понять, как исцелить Хорднека? – спрашивает он, подойдя к нам.

– Нет, не удалось, – опечалено отвечает Вилерин. Я же молча стою, отрешенно уткнувшись взглядом в тротуар. – А у тебя какие новости? Подожди! – резко вскрикивает она. От её визга я даже вздрагиваю. – Дай угадаю! Тебя отправляют в какое-то приключение! – удивительно, насколько быстро её голос из печального переходит в восхищенный.

– Почти. Ты знаешь, что случилось с людскими городами на реке Тей-Намор?

– Говорили, на них напал дракон, – раздумчиво произносит она. Тут она ахает: – Ты идешь охотиться на дракона?!

– Вообще, мать хотела отправить Алехаса. Помнишь этого старого бродягу?

– Конечно, я помню его, – говорит она сквозь ладони, прикрыв ими рот от восхищения.

– Так вот, я убедил её отправить меня вместо него. Через девять дней я должен буду прибыть в Дареохон, где соберутся остальные члены отряда охоты на дракона.

– Дай мне! – рявкнув, я вырываю у него из руки листок.

Здравствуйте, достопочтенная королева Сидмин!

Пишет лорд-констебль на службе короля Готфрида Второго, Вигмар Стафффорд.

Как Вам должно быть уже известно, семнадцатого июня сего года из горы Олеор, что находится вблизи города Истаин, вылетел черный дракон, известный как Мортифер, Черная Погибель. Он напал на три деревни, расположенные вдоль реки Тей-Намор, которые принадлежат нашему королевству. Двадцатого июня король издал указ, согласно которому мне надлежит собрать отряд, способный одолеть ужасного зверя.

Далее упоминаются подробности похода, необходимые навыки и прочее. Но насколько близко этот поход может пройти к Пылистой горе? Вдруг еще не всё потеряно, и я могу не только попасть туда, но даже подготовиться к бою со всем племенем. Если верить листку, дракон улетел на запад, в земли орков, куда, собственно, и направится отряд. Кажется, всё это время я двигался на восток... Может, немного на юг... Нужно свериться с картой.

– О чем задумался? – спрашивает Валиас.

– Да есть одна мыслишка... – говорю я, не до конца уверенный в то, что ему сказать. – К черту! – восклицаю я, вернув бумажку Валиасу. – Записывай меня.

– Куда записывать? О чём ты? – ошарашенно спрашивает Валиас.

– А о чём ещё я могу говорить?! – раздражённо кричу я. – Я тоже пойду охотиться на дракона!

Часть 2. История эльфа

Глава 1. Из рода королей

Этим утром я встал раньше обычного, ведь сегодня нужно было отвести Хорднека к портному и заказать ему Теневую Броню. Откинув на ближайший стул белесый ночной халат, я подошел к шкафу с одеждой и открыл его. Походный костюм вывалился из темноты, обняв меня. Странно, я ведь прошлой ночью нормально его повесил. «Наверное, умоляет надеть его, – с улыбкой на лице подумал я. – Терпи, дружок, скоро мы отправимся в путь».

Вместо него я взял бархатное чёрно-синее котарди с вышитом на нём серебряной лилией. Я прекрасно помню тех замечательных портных, которые сшили его для меня. Очень приятные и доброжелательные ребята, а одежда, что они шьют, всегда на высшем уровне. Их мастерская находится совсем неподалёку от центральной площади. Там, вроде, и Теневую Броню делают. «Может, стоит навеститься к ним?», – подумал я, надевая котарди.

Сказать, что Хорднек своим заявлением застал нас с сестрой врасплох, значит, ничего не сказать. Не знаю точно почему, но я не смог ему отказать. Да, скорее всего, во всём отряде я буду единственным темным эльфом, и, следовательно, тем, кто не будет однозначно против участия тролля в походе. Надеюсь, мне удастся доказать, что помощь тролля нам могла бы очень сильно пригодиться, особенно если дракон засядет в какой-нибудь пещере. Ни для кого не секрет, что тролли чувствуют себя в катакомбах как рыба в воде. В умении выживать в недрах гор с ними могут соревноваться только гномы, однако рак на горе должен свистнуть, чтобы хоть один из них отправился с нами.

Хорднека пристроили в комнате для гостей. Она была небольшой, но уютной. Мать предлагала разместить его в людской, что в принципе было не плохим вариантом, но мне это показалось недостаточно гостеприимным.

Однако Хорднека в комнате не было. Я перебирал в голове, куда он мог пойти, пока не увидел его через окно. Оказалось, он поднялся пораньше и, забыв о завтраке, вышел в тренировочный двор, где отрабатывал удары каменной рукой на деревянных манекенах. Если бы меня кто-либо спросил в этот момент, почему я продолжаю нянчиться с этим троллем, я бы просто показал ему, как он тренируется. Он настолько отчаянно лупил бедного деревянного солдата, что, клянусь, разнес бы его в щепки, дай ему позаниматься так подольше. У меня сложилось стойкое впечатление, что он готовится биться с целой армией драконов.

Я подошел к нему, всё еще активно тренирующемуся во дворе. Теперь я гораздо чётче слышал, насколько болезненно скрипел и хрустел манекен от каждого могучего удара каменной руки, который ему приходилось на себя принять.

– Хорднек! – лишь с третьего раза мне удалось докричаться до него.

– Что случилось, эльф? – сухо спросил он, оторвавшись от тренировки.

– Мне нужно, чтобы ты пошёл со мной.

– Куда?

– Большую часть похода мы проведем при дневном свете, поэтому нам нужно заказать специальный костюм для тебя. Я знаю, где делают лучшую Теневую Броню во всём Элониме. Нам стоит туда зайти.

– Делают что?

– Поймёшь, когда увидишь. Ты ещё долго будешь тренироваться?

– Иду, – проворчал он после короткого вздоха. В этот момент мне показалось, словно манекен издал благодарный скрип. Только сейчас я заметил, что деревянный солдат весь покрыт глубокими вмятинами и многочисленными трещинами. И как он еще не разлетелся

на куски? «Может, его тоже взять с собой в поход, будет прикрывать наши спины и принимать на себя удары?» – усмехнулся я.

Вскоре мы вышли на площадь и направились к зданиям напротив улицы, ведущей к гильдии магов. Миновав пару поворотов, мы оказались у порога той самой мастерской. Её холл представлял собой магазин, где они выставляли напоказ свои лучшие костюмы и наряды. Хорднека сразу заинтересовали те, что стояли в дальнем конце этого магазина. Снаружи они выглядели богатыми, хоть и без лишних украшательств, но у них был один маленький секрет, который Хорднеку, к моему удивлению, удалось обнаружить. Он нащупал подкладку из толстой и очень крепкой кожи и скрытый за ней слой кольчуги.

– Времена нынче беспокойные, уважаемые – раздался звонкий голос эльфийки за моей спиной. – Эти костюмы обычно у нас заказывают богатые купцы да различные вельможи. Они способны защитить вас от бандитской стрелы. Конечно, надежнее будет надеть полноценную броню, но богатый костюм выглядит представительней, не правда ли? – в этот момент я повернулся. Признав меня, эльфийка поклонилась и сказала: – Чем могу быть полезна, принц Валиас?

– Я хотел заказать у вас Теневую Броню для моего друга. Как видите, его комплекция не совсем обычна для тролля. Кроме того, у него окаменела рука.

Эльфийка внимательно осмотрела Хорднека, и попросила его встать на маленькую табуретку, сняла с него мерки и записала их в журнале для заказов.

– Мы очень скоро отправляемся в дальнейшее путешествие, – сказал я, когда она собиралась исчезнуть в другой комнате. – Мы были бы очень признательны, если бы вы сделали его как можно быстрее. Я готов доплатить вам за спешку.

– Не стоит, ваше Высочество, – мило улыбнулась она. – Всё будет в лучшем виде.

– И еще! – добавил я, вспомнив об одной детали. – Прошу, не отправляйте его в гильдию. Я хочу показать ему, как она зачаровывается.

– Как пожелаете, принц Валиас. В таком случае, можете забрать Броню уже завтра.

Я благодарно кивнул головой, и мы с Хорднеком вышли из магазина.

– Может, всё-таки объяснишь, зачем мы туда явились? – нетерпеливо спросил он. – Что за Теневая Броня?

– Так мы называем легкий доспех, изобретенный нашими магами. Если ты наденешь такой, то сможешь ходить при свете дня. Броня не пропустит ни малейшего лучика, даже если в ней появится дыра. И даже если её попытаются с тебя сорвать, защитные чары не позволят этому случиться.

– Лучше передвигаться от пещеры к пещере, чем доверить свою жизнь зачарованному костюму, – проворчал он.

– К сожалению, ни ты, ни я не сможем выбирать путь, по которому пойдет отряд. Большую его часть будут составлять «создания дня», поэтому нам с тобой придется привыкать к дневному образу жизни. Тебе не о чем беспокоиться. Ни один тролль, носивший Теневую Броню, еще не окаменел.

После этого мне пришлось оставить Хорднека в тренировочном дворе. В конце концов, мне тоже нужно подготовиться к походу. Во-первых, надо найти карту и определить на ней лучший путь в Дареохон. Во-вторых, было бы неплохо разузнать что-нибудь и о самом Дареохоне, почитать легенды о драконах, о Мортифере. Мне приходили на ум старые мифы о драконоборцах, храбрых воинах. Размышления быстро прервало урчание живота. Действительно, сначала надо поесть.

С трапезой я постарался покончить как можно быстрее. Вот только дурацкая утка пыталась меня задержать, никак не желая разрезаться на части. Перед тем как пойти в библиотеку, я попросил слуг проследить за тем, чтобы Хорднек сегодня сытно пообедал.

Наша библиотека была не настолько большой, как у Элеоры, но маленькой её всё равно было не назвать. Рядом со входом стояли, тихо потикивая, высокие часы с отделкой из красного дерева, посеребренная стрелка которых указывала на два часа пополудни. Подумать только, а ведь всего каких-то шестьдесят лет назад мы ещё использовали зачарованные самовосполняющиеся водные часы.

Всё в библиотеке навевало приятные воспоминания моего детства. Напротив двери находилось окно с голубоватыми стеклами, а под ним стоял маленький диванчик. Помню, как сильно любил на нём лежать, читая истории о храбрых рыцарях, великих воинах и могучих магах. Образы сами возникали у меня в голове: дальние земли, полные тайн и опасностей, ужасные твари, чей вид невозможно было вообразить, священные ангелы, хранившие героев, и величественные фениксы, освещавшие им путь.

Помню, как с упоением слушал эти истории от Бенжиаса, одного из моих наставников. Долгое время он обучал меня обращению с мечом и луком, азам стратегии и тактики, а в свободное от уроков время предавался историям. Он был потрясающим рассказчиком. У меня сложилось стойкое впечатление, что он воочию видел каждую из рассказанных им историй, а его преклонный возраст и вселенская мудрость только поддерживали это убеждение. И хотя намного позже я понял, что во времена тех историй его еще даже не было на свете, в глубине души я всё еще продолжал верить в обратное.

Эх, старый Бенжиас... До самой смерти ты оставался для меня подлинным героем и образцом для подражания. К несчастью, орочья дубина оборвала твою жизнь. Рассказанные тобой истории навечно останутся в глубине моей души. Ты – один из немногих, кого я без преувеличения могу назвать своим лучшим другом.

Я пролистал несколько книг, посвященных истории Дареохона и мифов о драконах. Время пролетало незаметно. До сих пор ощущаю себя одиноким пареньком, коротающим время за прочтением древних легенд. Должно быть, это никогда не пройдет. На секунду оторвавшись от книг, я взглянул на дверь и увидел в ней маленького мальчика, одиноко слонящегося по мрачным коридорам нашего дворца. Я знал, что он идет сюда. Больше ему некуда было пойти.

Возможно, из-за моей заинтересованности в древних легендах, родители отдали меня на обучение к Келеромину. В те времена он еще не носил звание Верховного мага, но уже был одним из самых уважаемых архимагов Элонима. Долгое время он обучал меня грамматике, математике, основам алхимии и астрономии, а также азам магии воды. Он же научил меня паре заклинаний, которыми я пользуюсь до сих пор. Например, именно от него я узнал заклинание, которое способно изменить моё лицо. Вернее, оно накладывает что-то вроде иллюзорной маски, из-за чего оно начинает казаться другим, но я всегда могу раскрыть свою настоящую личность, просто смахнув иллюзию.

На стене рядом с часами висела карта, которая охватывала все прилегающие к нам территории. Мне снова стало тесно в четырех стенах. Помню, как в первый раз сбежал из дома и отправился в дальнейшее странствование под другой личиной. Обычно не обращавшие на меня внимание родители мгновенно заметили моё отсутствие. Шуму тогда было на всё королевство. Все пытались понять, куда же подевался принц. Многие всерьез поговаривали о возможном заговоре. Они даже нашли виновных в моём исчезновении эльфов.

Хоть я и не успел тогда далеко уйти, новости из столицы дошли до меня лишь спустя две недели. Услышав, что всё королевство меня ищет, я поспешил вернуться домой. Ох, и влетело мне тогда... Конечно, сейчас я не могу вспоминать эти события без улыбки, но тогда всем было не до смеха.

Впрочем, эти события не остановили меня от постоянных побегов за пределы родного города. Родители пытались хоть как-то удержать меня, наказывать за подобные проделки, но моё любопытство и жажда приключений всегда брали верх. Редко когда я оставался в Элониме

дольше двух месяцев. В конце концов, они опустили руки и решили, что меня уже ничто не исправит.

Спустя несколько лет родился мой брат, Мирэниас. Меня старательно отгораживали от него, не давая порой даже увидеть брата. Видимо, боялись моего дурного влияния. Может быть, поэтому они отослали Бенжиаса? Считали, что он тоже поспособствовал моей испорченности?

Не знаю...

Когда мне впервые дали с ним поговорить, он сразу вступил со мной в перепалку. Не помню ни одного спокойного разговора с ним. Он был вечно зол на меня. Говорил: «Тебе следует командовать армиями, как подобает истинному принцу, а не шляться по миру, словно какому-то оборванцу». Долгое время я пытался найти с ним общий язык, пока не понял, что это бесполезно. С тех пор мы избегаем общения друг с другом. Даже не помню, когда мы в последний раз виделись.

Послышался легкий стук в дверь. Два удара, пауза, удар. Так могла стучать только моя сестра. Отложив в сторону книгу, я взглянул на неё, стоящую в дверном проёме.

– Не мешаю? – раздался её мягкий голос.

– Я всё равно не читал, – улыбнулся я. Вилерин подошла ко мне. Я пододвинулся, освободив ей место на диване. Она села и на некоторое время задумалась, подбирая фразу.

– О чём ты думаешь? – решил осведомиться я.

– Привезешь мне что-нибудь из похода?

– Что, например?

– Ну... – произнесла она, скрестив руки и уперев глаза в потолок. Её указательный палец на правой руке подёргивался, значит, она действительно крепко задумалась. Так она просидела с десятков секунд, после чего заявила: – Ладно, тебе же не дадут стянуть драконий коготь, верно?

– Куда тебе его? – спросил я, рассмеявшись. – Ты хоть представляешь насколько он здоровый?

– Не знаю, – сказала она, слегка покраснев. – Думаю, было бы весело показывать его друзьям и рассказывать о том, как мой брат убил этого монстра.

– Пожалуй, – согласился я. – Не думаю, что мне дадут его унести, но я обязательно что-нибудь тебе привезу. Обещаю.

– Спасибо, – улыбнувшись, она приобняла меня и поцеловала в щеку. – Ты – лучший брат на свете.

– А как же Мирэниас? Разве не он лучший брат на свете? – тоскливо спросил я.

– Был бы, не будь он таким занудой, – по-детски рассмеялась она.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Я слышала, что он находится в Атринге. Кажется, у него там какие-то проблемы с разбойниками, но я не уверена. Ты хочешь позвать его охотиться на дракона?

– Нет, просто я уже давно ничего о нём не слышал. Стало интересно...

– Я тоже скоро уезжаю, – прошептала она.

– Куда направляешься? – оживился я.

– В Ниорет. Я проведу там месяц. Целый месяц вдали от дома...

– Зато уже ты будешь рассказывать мне о своих удивительных приключениях.

– Скажешь тоже, – рассмеялась она.

– Когда отправляешься?

– Сегодня в десять, – улыбка сразу исчезла с её лица. – Хотелось поговорить с тобой перед тем, как отправиться туда. А теперь, прости, мне пора собираться, – сказала она, поспешно вставая с дивана.

– Увидимся вечером, – крикнул я ей вслед. Она на секунду обернулась, одарив меня своей улыбкой, и скрылась в дверном проёме, с грохотом закрыв за собой дверь, из-за которой вскоре донеслось тихое «прости».

Как же мне повезло, что у меня есть такая сестра. Трудно поверить, что она пришла в наш мир около семнадцати лет назад. Благодаря ей я стал задерживаться в Элониме намного дольше. Я мог часами рассказывать ей дивные истории из моего прошлого и немного из тех, которые мне рассказывал Бенжиас. Она награждала меня дивным смехом. Не представляю, как можно так тихо, но так искренне смеяться.

С тех пор как родилась Вилерин, мои родители не планируют заводить детей. При нашем долгом веке, желание размножаться у эльфов возникает редко и длится от силы пару месяцев. Поэтому нас, эльфов, не так уж и много на Вэйхтене. Заметно меньше, нежели людей. А ведь я уже довольно давно нахожусь в подходящем возрасте, и родители постоянно напоминают мне об этом. Они не раз предлагали мне жениться на дочери какого-нибудь именитого дворянина, но я всегда отказываюсь. В конце концов, моё сердце принадлежит Элеоре.

Я вышел из библиотеки только когда часы пробили девять и направился в комнату сестры. Нужно же было проводить её в первое путешествие. Проходя мимо столовой, я заглянул в приоткрытую дверь и увидел Хорднека, задумчиво поедающего свой ужин. Не знаю, что у него было тогда на уме. Жаль, что я так и не нашел времени спросить его об этом.

Кроме меня, Вилерин провожали лишь Келеромин да несколько слуг. Мама, как мне сказали, в полдень покинула город, чтобы составить какое-то торговое соглашение с людьми. Слуги, наконец, погрузили последние вещи в карету, и Вилерин подошла к нам с Келеромином и обняла на прощание.

– Не забудешь о моей просьбе? – прошептала она мне на ухо.

– Ни за что на свете, – я поцеловал её в щеку. – Буду ждать твоей увлекательной истории, сестричка.

Некоторое время я смотрел вслед уходящей вдаль повозке. По моему сердцу прошел легкий холодок от осознания того, насколько же моя сестра выросла. Но, какой бы она взрослой ни была, для меня Вилерин навсегда останется маленькой, вечно улыбающейся и смеющейся девочкой, внимательно слушающей рассказы непутёвого старшего брата.

На следующий день я, как только проснулся, сразу же направился к портным, предварительно захватив с собой толстый кошель с деньгами. Я даже забыл позавтракать. Через полчаса я вернулся со свёртком в руках. К моему удивлению, Хорднека не было на тренировочном дворе. Вместо этого он сидел на кровати у себя в комнате, погруженный в глубокие мысли.

– Твоя Броня готова, Нек, – сказал я, прервав его размышления. – Не хочешь её примерить?

– Ладно, давай посмотрим, – вздохнул он, приняв сверток из моих рук. Я покинул комнату, оставив его наедине с Бронёй.

Через некоторое время он вышел в коридор. Воистину мастерская работа. Сшитая для Хорднека Теневая Броня была самым настоящим доспехом из тёмной кожи с плащом и капюшоном из плотной чёрной ткани. Всё тело было закрыто: высокие чёрные сапоги надёжно прижались к ногам Хорднека узким голенищем, торс и руки тролля защищала кожаная кираса. Перчатки также были отделаны грубой кожей и имели длинный манжет, доходивший практически до локтя. Правую перчатку он, по понятной причине, не надел, и она одиноко выглядывала из-за пояса, на котором была закреплена. Я пригляделся к его окаменевшей руке и обнаружил, что броня покрывала лишь половину окаменевшего участка, зато к правому наплечнику был прикреплен плащ, который полностью скрывал его руку.

– Знаешь, – сказал Хорднек. – Когда я увидел эту Броню, то решил, что она будет очень тяжелой громоздкой. Удивительно, насколько она легка, – он несколько раз ударил невидимого врага перед собой. Броня нисколько не стесняла его движений.

– Следовало дать им больше денег за такую работу, – цокнув языком, проговорил я.

– Что-то мешается... – Хорднек полез рукой за спину и вскоре натянул себе на голову черный капюшон с серебряной окантовкой. Я усмехнулся. Пока что Тени не скрывали лицо Хорднека, и я прекрасно видел его лицо в свете свечи. Ничего... совсем скоро всё это изменится. – Так ты говоришь, она не пропустит ни единого луча света, даже если её порвут?

– Да, только тебе придётся постараться, чтобы её порвать. Это же броня из кожи, а не из ткани, – ответил я, прощупав кожу, из которой был сделан доспех. – Буду честен, даже как лёгкий доспех, эта Броня – так себе. Впрочем, вам, троллям, большего и не нужно. У вас и своя кожа достаточно прочная.

– Выходит, мы можем отправляться?

– Пока что нет. Твоя Броня ещё не готова к походу. Сними её. Нам надо зайти ещё в одно место.

Я привел его в гильдию магов. Там мы спустились на один из самых глубоких этажей, где находилась так называемая «зачаровальня», небольшая комната с прямоугольным, исписанным рунами, каменным столом посередине, широкой чашей с водой рядом с ним и скамьями вдоль стен. Когда мы зашли в неё, там находились три мага. Подойдя к ним, я попросил их зачаровать Теневую Броню и вручил кошель с деньгами. Хорднеку велели разложить доспех на столе, что он и сделал. Наконец, к столу подошли два мага. Они взмахнули руками, пустив тонкую огненную змейку, которая пробежалась по верхушкам ароматических свечей, расставленных вокруг стола, зажигая их один за другим. Ритуал начался.

Маги расставили руки над доспехами, произнеся несколько стародавних слов, которые эхом разнеслись по комнате. Пламя свечей исказилось, и в искажении образовалась струйка вязкой черной жидкости. Мы называем её Изначальным Мраком, теневой материей, а иногда и просто Тьмой. Струйка Тьмы потихоньку увеличивалась, а вместе с ней – искажение света. Когда же её стало достаточно много, маги плавно подняли руки вверх. Тьма послушалась их и тягучим черным облаком сгустилась над столом. Потом она опустилась и, излучая слабое фиолетовое свечение, стала растворяться. Когда она подлетела вплотную к доспеху, от неё не осталось ничего, кроме того самого свечения, которое обошло по контуру каждый элемент Брони. Теперь подключился и третий маг. Согнув по два пальца на каждой руке, он поочередно проводил ладонями над каждым элементом доспехов, проговаривая древнейшие слова. Говорил он на языке, существовавшем с незапамятных времён, задолго до появления людей и эльфов.

Свечение потихоньку гасло, впитываясь в доспехи, словно вода в губку. Когда, наконец, ритуал был завершен, два мага подошли к чаше и опустили в неё руки. Вода в ней окрасилась в темно-красный цвет. На их руках кровоточили многочисленные ранки.

– Откуда они взялись? – спросил их Хорднек. – Их ведь раньше не было!

– Это плата за использование магии Тьмы, молодой тролль, – ответил ему один из магов. – Тьма уничтожает почти любую живую материю. Её очень тяжело контролировать даже опытным колдунам, из-за чего некоторые сгустки попадают нам на кожу.

– И вы никак не можете защитить свои руки?

– Тогда плата будет большей, ведь Тьма появится внутри этой защиты.

Третий подошел к ним и провёл рукой над каменной чашей. Вода засияла голубым свечением. Когда свет погас, эльфы достали руки. Ранки исчезли, на их месте остались лишь едва заметные шрамы в виде углублений в коже. Хорднек хотел забрать доспех, но я успел выхватить кирасу из-под его руки. Я поднес её к светящемуся камню, раскрыв капюшон.

– Засунь туда руку, Нек, – сказал я. Хорднек осторожно просунул руку внутрь. Та исчезла во мраке капюшона, хотя я держал его у самого светильника. – Вот почему её называют Теневой. Если ты накинешь этот капюшон, твое лицо никто не увидит, даже если поднесут вплотную факел.

Через несколько часов мы, полностью готовые к походу, подошли к конюшне. Хорднек был полностью облачен в Теневую Броню, хотя капюшон он пока спустил. Я в очередной раз проверил сумку, прикидывая, что мог забыть. В конюшне стоял вороной конь с седельными сумками, доверху забитыми провизией и прочими припасами.

– Ваш скакун готов, мой принц, – сказал конюх, поклонившись мне в пояс. Я кивнул ему в ответ. Хорднек приблизился к коню. Он пытался достать ногой до стремени, но ему не хватало роста. – Подать вашему слуге пони? – поинтересовался конюх, обратив внимание на его тщетные попытки.

– Слуге? – раздался недоумевающий возглас Хорднека.

– Не стоит, благодарю, – сказал я конюху. Я быстро вскочил на коня, после чего протянул Хорднеку руку.

– Этот эльф решил, что я твой слуга, – возмущенно сказал Хорднек, хватая меня за руку.

– Ну и что? – спросил я, подтянув его на седло. – Если подумать... Наверно, будет лучше, если ты притворишься моим слугой.

– С чего это вдруг? – рассердился он.

– Люди ненавидят троллей не меньше, чем светлые эльфы. Тебя, в лучшем случае, упекут за решетку, стоит тебе лишь приблизиться к воротам Дареохона. Но если ты попадешь в город в качестве моего слуги, то будешь находиться под моим покровительством и защитой. Никто тебя и пальцем не тронет.

– Ладно, – пробурчал он, накинув капюшон. – Но не смей этим пользоваться.

– Хорошо, – сказал я, ударив коня по бокам, заставив его пуститься рысью.

– Удачи, принц Валиас! – раздался голос конюха. – Да хранит Вас Матерь!

Глава 2. В городе великом

Этим утром, как и всю последнюю неделю, меня разбудил истошный крик Хорднека, панически ощупывающего своё тело. Бедолага всё ещё не мог привыкнуть к жизни под лучами солнца и каждое утро забывал, что на нём была надета спасительная броня, из-за чего он злился на себя весь оставшийся день.

Но ничто не сравнится с тем случаем, когда я впервые вывел его на солнечный свет. Тогда мы только подъезжали к границе Сумеречного леса, снаружи вовсю светило солнце. Хорднек болезненно вцепился в моё плечо. Он был сильно напуган, хоть и знал, что напрасно. Когда мы подъехали к границе почти вплотную, он попросил меня остановиться на пару минут, чтобы он смог собраться с силами.

– Ну что, готов? – спросил я его через некоторое время.

– Ещё нет. Дай мне минуточку, – сказал он.

– Прости, но у нас больше нет минуты, – произнёс я, шлёпнув коня по крупу. Тот пустился галопом. Хорднек начал истошно кричать, умоляя того остановиться, но конь лишь скакал сильнее. Вскоре они выскочили за пределы леса. Когда я нашёл их, Хорднек сидел, прижав к глазам руки.

Не сразу мне удалось убедить его открыть глаза. Когда он-таки меня послушался и взглянул на солнечный диск над нашими головами, то оказался настолько ошарашен, что даже выпал из седла.

Мы прискакали к Дареохону на шестой день. Издали этот город выглядел огромной серой крепостью с высокими башнями, вершины которых сверкали, как яркие звезды в ночном небе. Так могли сверкать только шпили цитадели Эртвейг, расположенной в центре самого богатого района города. Они были отлиты из чистого мифрила, очень крепкого, безумно красивого и невероятно дорогого металла.

– Когда-то этот металл использовали для охоты на драконов, но потом от него отказались, – сказал я Хорднеку.

– Почему? – спросил он.

– Он не был достаточно надёжным. Используемого против драконов оружия из мифрила хватало, в лучшем случае, ударов на двадцать. Много лет спустя гномы создали ему превосходную замену. Им удалось сплавить несколько металлов, включая мифрил, в один мощный сплав, который они называли адамантом. Его прочность оказалась так впечатляющая, что через пару лет все отказались от мифрила в его пользу. От гномов требовали выдать секрет изготовления адаманта, но те не стали им делиться, вынуждая все расы заказывать у них изделия из чудо-металла, что и сделало их баснословно богатой расой. Многие пытались повторить их чудесный сплав, но ни у кого так и не получилось это сделать.

Вскоре мы прискакали к городским стенам. Они и издали-то выглядели впечатляюще огромными, а вблизи так и вовсе казались исполинскими. В книгах было написано, что стены достигали двадцати ярдов в высоту и порядка шестнадцати футов³ в ширину. Неудивительно, что Дареохон считается неприступным. Наверху прилежавших к стенам башен громоздились станковые арбалеты, служившие во времена Войн Возмездия мощной системой обороны против драконов и прочих летающих монстров. Сейчас же на них не натянута тетива, древесина, из которой они сделаны, была неоднократно заменена, а громадные стрелы больше не лежали рядом. Они стояли памятниками, напоминанием о давно минувших временах.

Через пару минут мы приблизились к городским воротам, двум массивным кованым дверям, каждая по одиннадцать ярдов в высоту. Хорднек изумлённо рассматривал эти врата.

³ Фут равен 3.048 дм.

«Каким же образом горожане их закрывают?» – спрашивал он. Его любопытство было удовлетворено, когда мы узрели громадные шестерни закрывающего механизма.

– Не верю, что люди могли создать подобное, – сказал он.

– Ты совершенно прав. Этот механизм изготовлен гномами Манто-Лора. Власти Дареохона какое-то время пытались скрывать причастность других рас к созданию города, но потом им пришлось признать помощь извне.

Я соскочил с коня и, взяв его за поводья, повел к воротам. Вынув из сумки пригласительное письмо, я подошел к четырём стражникам в серо-черных доспехах, охраняющим врата. На спине у одного из них был закреплён деревянный черный щит, на котором был изображён герб Дареохона: семь белоснежных башен, окружённых высокой стеной, на фоне двух перекрещённых пик. Я представился им и вручил письмо. Они внимательно его просмотрели и впустили нас. Запрыгнув на коня, я вспомнил, что забыл упомянуть об одной важной детали:

– Чтобы попасть в старый город, нам понадобится разрешение на его посещение, – сказал я Хорднеку. – Мы зайдём к капитану стражи. Он-то и выдаст нам пропуск в нужный район.

Неподалёку от врат находился тренировочный двор, на котором в данный момент проходили боевые учения: десятки стражников бились друг с другом тупыми железными мечами. Также здесь расположены казармы, столовая и оружейная. За ними высилось двухэтажное здание, в котором находились темница и кабинет капитана стражи, куда мы и направились. От остального города этот двор был отделен хилым частоколом. За ним виднелись высокие, но очень хлипкие на вид дома. Я спрыгнул с коня и собирался предложить Хорднеку дожидаться моего возвращения, но он настоял на том, чтобы пойти вместе со мной к капитану.

В кабинете стояло несколько людей, которых яростно обругивал человек лет сорока. Стараясь не слушать этот поток брани, я принялся осматривать комнату. Надо сказать, что кабинет капитана был очень скуден на детали. На левой стене висела доска, к которой были прикреплены портреты различных людей с надписью «разыскивается». Некому Гилберту Тэлрену особенно повезло – у него было аж пять плакатов, каждый из которых отличался лишь большей наградой за голову бандита. Позади капитана висело несколько охотничьих трофеев, а на стойке в углу покоился в ножнах стальной меч с черной позолоченной гардой, украшенной огромным рубином. Меч, должно быть, фамильный. В противном случае, не представляю, откуда он мог его достать. Шлем капитана стоял на столе, покрытый осадком пыли.

Наконец, стражники покинули кабинет. Капитан взглянул на нас дрожащими от гнева глазами. Среди чёрных волос на его густых усах и бровях проглядывала редкая седина. Несколько едва различимых шрамов на его лице смешались с многочисленными морщинами. Его броня была значительно более крепкой, чем у стражников. На нагруднике красовался городской герб.

– Кто вы и зачем пришли в мой город? – гаркнул он на меня.

– Мы пришли по распоряжению лорда Вигмара Стаффорда, – ответил я, протянув капитану письмо. – Я – Валиас, сын королевы Сидмин, а это – мой слуга, тролль Хорднек, – услышав это, тролль раздраженно фыркнул.

– Что вы от меня хотите? – спросил капитан, вернув письмо.

– Вигмар ожидает нас в Эртвейге, поэтому нам нужен высший пропуск Дареохона.

Капитан какое-то время поворчал, после чего достал небольшую бумажку из ящика в столе, черкнул там пару фраз, подлил воск в уголок, приложил к нему кольцо и отдал её нам.

– Вот ваш пропуск, – буркнул он. – А теперь уходите. У меня слишком много дел.

– Спасибо Вам, и всего доброго! – сказал я. Мы спешно покинули кабинет.

– Я бы на твоём месте не позволил бы ему так с собой говорить, – ворчливо отметил Хорднек, когда мы уже вышли из здания. – И за что ты ему спасибо сказал?

– Мы же получили пропуск, так почему бы не поблагодарить его за это? – пожал я плечами. – А злой он потому, что работа нервная. Ему каждый день приходится ловить десятки бандитов, насильников и убийц. Тут хочешь-не хочешь, а озлобленным станешь.

– Прошу Вас! Помогите! – закричала, внезапно схватившая меня за руку, молодая девушка. Её лицо застыло в ужасе, а глаза покраснели от слез. – Скажите им! Скажите им, что я невиновна!

– Отцепись от него! – вскрикнул один из стражников, принявшись отдирать её руки от меня. – Кто-нибудь, помогите мне! – На его крик прибежали ещё два стражника, и кое-как они смогли оторвать от меня девушку, всё ещё кричащую «Я ни в чём не виновата!».

– Какого чёрта это было? – ошарашенно спросил Хорднек.

– Прошу прощения, господа, – откланялся стражник. – Мы вчера поймали нескольких разбойников из шайки Тэлрена, и эта паскуда – одна из них.

– И все кричат, что они невиновны? – спросил я.

– Разумеется! – откликнулся стражник. – Бандиты, чего с них взять? Надеюсь, она хоть ничего у вас не украла?

– Да вроде нет, спасибо большое, – сказал я, обшарив карманы. Стражник откланялся ещё раз, и ушёл восвояси. – Теперь ты понял, о чём я говорил? – спросил я Хорднека.

– Убедил, – кивнул он. – Давай уберёмся отсюда, пока еще кто-нибудь к нам не пристал.

Миновав ворота частокола, мы наконец-то оказались в самом городе, а если точнее, в самой затхлой его части. Наш путь лежал через самый бедный и густонаселенный район города. Маленькие, узкие улочки были переполнены людьми. Над нами склонились высоченные прогнившие насквозь здания, стоявшие на одном только добром слове, и готовые в любой момент обрушиться на головы прохожих. Своим видом они напоминали горбатых уродливых стариков, который вот-вот упадут за смертью от старости, но они всё стоят и не умирают. Возможно, хотят пережить друг друга. И ведь в них кто-то жил! Но при всем этом эти строения не ужасали меня. Как и всё в этом районе, они угнетали.

Любой, кто проводил здесь хоть минуту, чувствовал нарастающую уныние и тоску. Хоть улицы и были наводнены людьми, здесь не стоял свойственный большим городам шум, даже особой давки не было. Каждый человек в этой толпе монотонно проходил мимо других, поникнув головой, даже случайно не встречаясь взглядом с остальными. Словно никто не хотел видеть других людей.

В книгах этот район называют Петлей Мертвеца. Да... Лучшего названия этому месту не придумаешь.

Мимо нас прошел целый отряд стражников, которые вели за собой закованных в кандалы бандитов. Эту процессию замыкал воистину грандиозный рыцарь. На нём блестели невероятные огромные латные доспехи. Я мог только диву даваться, как же он в них ходит? Но, услышав скрип шестерёнок, быстро осознал, что ничего удивительного здесь нет. Отполированный до блеска доспех был окантован золотом, а на нагруднике красовался серебряно-золотой герб Дареохона. Приглядевшись к доспеху внимательнее, я обнаружил множество изъянов в конструкции. Любой достаточно точный удар мог бы серьёзно его повредить. Когда же я усмотрел толстую подошву стальных сапогов, мне стало ясно, что его доспех предназначен не столько для защиты, сколько для устрашения, с чем он действительно отлично справлялся. Если бы мне пришлось драться с таким громилой, в первые секунды драки я бы точно растерялся. Достаточно, чтобы он снёс мне голову гигантским двуручным мечом.

Когда колонна скрылась за поворотом, серый поток людей опять стал застилать мой взор. От всей этой атмосферы уныния и безнадежности мне становилось не по себе. Надеюсь хоть как-то от неё отделаться, я повел Хорднека через закоулки.

Конечно, там было немногочисленно, но от этого гнёт давил еще сильнее. Из-за плотной застройки района в его закоулках было очень мало света, а здания, казалось, свисали в них

еще сильнее. Я регулярно оглядывался по сторонам. Здесь, как нигде, местный народ представлял перед нами во всей сомнительной красе: грязные, потрепанные люди, укутанные, если так можно сказать, в гниющие лохмотья. Вот сидит одноногий старик, который жуёт чёрствую булку хлеба, иногда деля её с больной собакой, на чьей морде ярко выделялся подбитый и почти отсутствующий глаз. Вот старая женщина притащила котят, которые, пожалуй, были единственными жителями Петли, которые издавали хоть сколько-то громкие звуки, и пытается отдать их проходящим мимо людям в надежде, что среди них может найтись доброе и заботливое сердце. Но ведро с торчащими из него мохнатыми лапками убедило меня в том, что здесь таких нет.

– Прибежище убогих, – роптал Хорднек. – Здесь мне самое место.

Я хотел сказать Хорднеку, что он не прав, но слова так и не покинули моего рта. Видимо, влияние Петли начало распространяться и на меня.

Ну и пусть. Лишние разговоры только замедлили бы нас.

Вдруг из подворотни выскочил какой-то мальчуган. Он затараторил про больную умирающую маму, и как ему нужны деньги на её лечение и еду. Я полез в кошелек, подцепленный к поясу, и протянул ему горсть серебряных монет. Слова благодарности так и полились из его уст. Он даже обнял меня. Он уже поторопился домой, но Хорднек вдруг схватил его за руку. Мальчик пытался вырваться, но ему ни за что на свете не удалось бы разжать хватку тролля.

– Верни то, что украл! – грозно сказал Хорднек.

– Ничего я не крал! Пусти! – кричал мальчик.

– Отпусти его, Нек! – пытался вступить я, но Хорднек пропустил мои слова мимо ушей.

– Я тоже когда-то воровал, парень, и вот, что со мной случилось! – он показал ему окаменевшую руку, от чего мальчуган вытаращил глаза и закричал еще сильнее от охватившего его ужаса. – Не хочешь себе такого подарка? Тогда верни кошелек!

Мальчик дрожащей рукой протянул мне кошелек, и только когда я забрал его, Хорднек отпустил его. После этого мальчик с виноватым видом попытался вернуть мне и отданную мною горсть, но я отказался от неё.

– Думаю, вам с матерью она будет нужнее, чем мне, – сказал я. Мальчик, бросив обрадованный взгляд, исчез во тьме проулков.

– Насколько же легко тебя одурачить, эльф, – проворчал Хорднек.

– Не мог же я просто отказать ему, Нек. Он просил помочь его маме.

– Сомневаюсь, что у него вообще была мать...

Я осмотрелся вокруг, заметив на себе взоры многочисленных глаз, в каждом из которых, однако, не было и капли заинтересованности в происходящем. У меня от этих пустых взглядов мурашки пробежали по коже, да и у Хорднека, пожалуй, тоже. Мы продолжили путь, сделав вид, словно ничего не произошло.

Следующее испытание Петли не заставило себя долго ждать: до нас донеслись звуки ударов из ближайшего проулка. Я решил посмотреть, что там происходило. Мы увидели, как несколько молодых парней издевались над стариком, сильно толкая его и надсмехаясь над ним. Я уже приготовился защищать старого человека, но Хорднек схватил меня за руку, не дав обнажить меч.

– Нам здесь нечего делать, эльф. Продолжим путь! – приглушённо кричал он.

– Старик нуждается в помощи, и никто, кроме нас ему не поможет, Нек! – говорил я, вырывая руку.

– Таковы правила этого места, эльф, и ты не можешь их изменить, – Хорднек её не отпускал.

Старик тем временем бросил на меня взгляд, с надеждой молящий о помощи, от чего я только сильнее попытался вырваться из хватки Хорднека, но тот лишь сжал её покрепче.

– Знаю, твои порывы благородны, но ты ничего не изменишь! – говорил он.

– Я могу попытаться! Пусти!

– Справляясь с симптомами, болезнь не лечат, пойми уже! Хватит разыгрывать из себя героя! У нас есть намного более важные дела.

Как же я хотел увидеть его глаза в тот момент... но мне не удалось даже разглядеть его лица – на нём был этот дурацкий зачарованный капюшон. Я снова бросил взгляд на жалобного старика, пытающегося протянуть мне руку, и заметил, как хулиганы обратили внимание на его жест. Хорднек резко затащил меня обратно в закоулок. Я тяжело дышал от охватившего меня приступа злости, но вскоре успокоился и сказал:

– Ладно. Пойдем отсюда.

Через пару минут мы вышли из проулков обратно на большую улицу. До нас донесся шелест старых объявлений о розыске, прибитых к доске. Она висела на одном из зданий среди подобных кривых досок. Большинство объявлений уже почти превратились в труху, а на самой новой было изображение, которое я уже видел. Оно изображало молодого человека с короткими волосами и такой же короткой бородкой. Внизу листка была знакомая надпись: «Розыскивается за многочисленные грабежи и разбои. Гилберт Тэлрен. Награда сто двадцать пять райнов».

– Поскорее бы убраться из этого чертового места, – вполголоса произнес я.

– Думаешь в других районах лучше? – спросил Хорднек.

– Там хотя бы нет такого уровня преступности, как здесь.

– Там она вышла на новый уровень, – злобно усмехнулся он, но я его усмешку не держал.

Минут через десять мы подошли к воротам в другой район города. Стена, разделявшая эти два района, была даже выше внешней: её высота достигала тридцати ярдов. У ворот тоже стояло несколько стражников, которые отгоняли бродяг, пытавшихся пройти через них. Я подошел и достал пропуск. Один из стражников взял его в руки и принялся внимательно рассматривать. Закончив проверку документа, он доброжелательно поприветствовал нас и пожелал нам удачного дня в Дареохоне, после чего велел остальным пропустить нас. Так мы наконец-то вырвались из Петли и оказались в значительно более приятном районе, Лэндвилле.

Здесь были более просторные улицы, хотя народу в этом районе меньше, чем в Петле. По сторонам стояли небольшие ухоженные дома, в каждом из которых на первом этаже находилась мастерская, благодаря которой можно легко догадаться, кто здесь проживает. Если рядом со зданием стоят печь и наковальня – это дом кузнеца, если из окна шел приятный запах – дом повара. Единственного, чего здесь нельзя было увидеть, так это магазинов – для этого в Дареохоне был отдельный район, но мы к нему еще только идём.

После Петли Лэндвилл казался действительно приятным глотком свежего воздуха. Городской стражи здесь на порядок меньше, а люди, что нас окружали, были намного живее и... счастливее, что ли. Мы постоянно ловили на себе любопытные взгляды, хотя я старался не обращать на местных внимание.

Через пару минут мы вышли к очередным воротам, которые привели нас торговый район. Врата уже никем не охранялись, ведь этот район всегда был свободным для жителей и гостей города. Как и Петля, он не имел определённого названия, поэтому жители звали его просто Рынком. Рынок широким кольцом окружал городской парк. Он представлял собой огромную площадь, вымощенную серым кирпичом. За многочисленными прилавками стояли ремесленники и торговцы. Чего мы тут только не видели: кто-то торговал овощами и фруктами, кто-то продавал оружие и доспехи, кто-то – одежду, кто-то – заклинания и руны. Народу на Рынке было немерено, но сравнения с Петлей это всё равно не выдерживало.

За окружающими Рынок стенами возвышалось высокое белоснежное строение, которое разветвлялось на несколько башен с конусообразными зелёными крышами. Так выглядело здание гильдии магов Дареохона, расположенное в районе магов, Зэлдинсе. Местная гильдия спе-

циализировалась на магии земли, которая изучалась на всех возможных уровнях: в Зэлдинсе создавались предметы с магическими свойствами, варились зелья и вырезались руны.

Я привел Хорднека в парк, чтобы срезать путь и посмотреть с ним наиболее дивные достопримечательности этого города. Несмотря на сравнительно малый размер, местный парк был весьма просторным. Через него вела всего лишь парочка вымощенных плиткой дорожек, по краям которых стояли скамейки и статуи, установленные в честь великих героев этого города. В самом центре парка был расположен чудный фонтан, а вокруг него стояло три крупные статуи.

Первая из них изображала лысого человека с бородой, одетого в рабочую одежду. Под левой рукой он держал несколько свитков с планами этого города, а в правой у него находился тяжелый молоток. Внизу на золотой табличке была выгравирована надпись:

«Легендарный зодчий Грегор Лэндвилл. Основатель Дареохона».

– Так вот в честь кого был назван тот район, – заключил Хорднек. Мы направились ко второй статуе, человеку с ног до головы закутанном в мантию. Из-под накинутого на лицо капюшона выглядывала пышная борода. Одной рукой он держал какую-то толстую, открытую в середине книгу, а вторая была вскинута над головой. Из постамента торчало несколько каменных шипов, которые словно были готовы вырваться нам навстречу. Надпись на табличке гласила:

«Великий маг земли Тореадор Зэлдинс. Основатель Дареохона».

Последняя статуя изображала человека в богатых одеяниях, с тонкими длинными усами и козлиной бородкой. Скульпторы явно не поскупились на детали: на его руках красовались кольца с гигантскими драгоценными камнями, на поясе висел изогнутый широкий меч, а позади развевался на ветру плащ.

«Достоправный лорд-маршал Ричард Маридан. Основатель Дареохона».

Вдоволь насмотревшись на Памятник Трем Основателям, мы продолжили путь.

Через полчаса мы миновали врата Маридана, района, где живут все богачи Дареохона. У каждой семьи этого района было собственное владение, окруженное небольшой каменной стеной, в центре которого стоял здоровый особняк. Ни одна усадьба не была похожа на остальные. Перед их вратами стояли вооружённые до зубов охранники, на чьей экипировке было изображение герба семьи, которая их наняла.

Вскоре мы вышли на дорогу, которая вела напрямую к главным вратам цитадели Эртвейг. Цитадель была окружена стеной, наверное, даже больше той, которая стоит между Петлей и остальными районами. Стена, как и цитадель, сложена из ослепительно белого камня, а главные врата были практически полностью черными, не считая золотой окантовки. Их открывал точно такой же механизм, как и у врат Дареохона. За стеной от края до края простирался дивный сад, полный цветов, плотных кустов, росших вдоль вымощенных тёмно-серыми камнями дорожек, и невысоких деревьев. Посреди всей этой красоты стояла сама гигантская крепость. Одна башня высилась над окружающими её шестью и доставала до самых облаков. Между ними тянулась череда устоев, похожих на маленькие башенки, соединенных друг с другом полуарками. На сине-золотых верхушках башен ярко сверкали мифриловые шпильки. Под крышами располагались статуи, изображавшие вооруженных щитом и мечом ангелов. Они словно стояли на страже цитадели. На витражах громадных стрелочных окон был изображены великие герои прошлого и подвиги, что они совершили. Когда мы подошли к крепости ближе, я ощутил весь объем и всю мощь этого поразительного строения. В этот момент я почувствовал себя жалкой букашкой, стоявшей на пороге жилища великана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.